

Французская история литературы XVIII в.

следующее замечательное замечание: „Кто бы подумал? Ни налоги, ни произвольные аресты, ни всякий другія злоупотребленія власти, ни прихисненія со стороны иудей, данцовъ, ни разорительныя проволочки при оздравленіи правосудія не ожесточили націю въ такой степени, какъ аристократическій предразсудокъ, къ которому она обнаружила болѣе всего зависеши. Буржуазія, литераторы, франкмасоны, все это, которое исполнено было зависеши къ дворянству, подняли на него низшіе городскіе и сельскіе классы.“¹⁾

(Происхожденіе французской просвѣдительской литературы).

Монтесквѣ (1689—1755).

Замечательнымъ явленіемъ начала новаго періода французской литературы ^{явилъ} Монтесквѣ. Жизнь его небогата эпизодами: она прошла среди замятій научными вопро-
сами безъ оригинальныхъ соображеній, безъ болѣе широкаго и глубокаго. Charles-Louis de Secondat Baron de la Brède de Montesquieu родился въ франкмасонскомъ замкѣ, въ Брѣдѣ близъ Бордо, 18 января 1689г.²⁾ воспитывался въ конгрегаціи Провѣдниковъ (Oratoriens) въ Мюльенѣ (Mulle), поселился въ 1714г. совозниккомъ въ Бордосскій парламентъ, въ 1715г. женился, а въ 1716г. занялъ мѣсто президента и сдѣлалъ носитель франкмасоніи Монтесквѣ, завѣщавшую ему его дѣди. Ужасъ, по наследству отъ дѣди онъ получил какъ франкмасонъ, такъ и должностъ президента

1) Срав. А. Шахова „Вольтеръ и его время“ стр. 162.

2) следовательно — это мѣсто до революціи.

Бордосского парламента, которую онъ и закънулъ 27 марта
 оу роду. Это была въ то время довольно популяри-
 зованная, связанная съ извѣстными традиционными
 привилегіями и не особенно безпокойная. Кроме
 тѣх исполнять ее въ течение десятии летъ, закънулъ (вз. 17262.)
 продалъ свое мѣсто и посвятилъ себя научному труду.
 Вообще онъ никогда не губовалъ расположенія
 къ практической деятельности. „Я довольно хорошо
 понималъ существо дѣла“, пишетъ онъ о своихъ пар-
 ламентскихъ закънѣхъ; „но ничего не свислилъ
 въ дѣлопроизводство. — Впрочемъ я счарался быть при,
 неписалъ, но всего болѣе обратилъ къ зрѣн дѣла,
 поэму поселило въ меня до одобренія, что я видѣлъ
 въ дѣлакъ практическія способности, которыхъ у меня
 не было“. Наклонность къ теоретическому труду и от-
 сужденіе практической составляющей отличительную при-
 надлежность Монжескѣ. Это пришло въ Паризъ
 33 марта, после чина его Lettres patentes, несмотря
 на ^{некоторые} затрудненія, со стороны кардинала Фрѣри (Fleury),
 было принятъ во французскую Академію въ 1728г.
 и закънулъ путешествовалъ по Германіи, Австріи, Венгеріи,
 Италіи, Швейцаріи, Голландіи и Англіи, въ которой
 прожилъ около двухъ лѣтъ (1729-1731). Во время своихъ
 болѣшихъ путешествій и именно въ Голландіи и Анг-
 ліи Монжескѣ усвоилъ себѣ политическія и социальныя

воззрения, которые легли основой его сочинений.
 В 1734 г. онъ жилъ въ своихъ покоевяхъ, въ своемъ
 замкѣ Бреды, посвящая свои досуги литературнымъ за-
 нятіямъ, и умеръ 10 февраля 1755 года въ Парижѣ.
 Его похороны были похожи на какое-нибудь національ-
 ное торжество. За гробомъ, великаго законодателя ила
 вся Академія, чиновники, ученые, художники. Все по-
 нимали, что Лорондери человекъ, заботившагося иль
 возбудить грядущаго славу, въ устройствѣ государства,
 предположившаго писателя. ✕

Простовольное вліяніе эпохи оказало Монжескѣ
 еще въ молодые годы. Онъ съ большою охотой занимался
 естественными науками и написалъ для Бордосской
 Академіи науки, членомъ которой онъ состоялъ, нѣсколько
 мелкихъ разсужденій по естественствованію. Въ числѣ его
 сочиненій того времени мы находимъ одинъ проектъ фран-
 цузской исторіи земли! Въ то же время онъ занимался
 Декартовымъ и изучалъ вопросы философскіе. Одна изъ
 самыхъ раннихъ работъ его касается политики Римляно
 въ религиозныхъ дѣлахъ. Характеристическою особенностью
 римской религіи Монжескѣ сличаетъ то, что она учрежде-
 на была для государства, между тѣмъ какъ въ другихъ
 странахъ, по его мнѣнію, государство прилаивалось къ
 религиознымъ свѣдѣніямъ. Онъ указываетъ на полити-
 ческую пользу, которую можно извлечь изъ религіи.

разсматривается ее, какъ средство управленія земной и прославленія религиознаго гермикозга Римлянъ, которая по его мнѣнью, вытекала изъ ихъ преданности государственнымъ политическимъ интересамъ и изъ равнодушія ихъ къ специальнымъ догматическимъ вопросамъ.

Судить о томъ, что въ насущное ^{время} ~~время~~ историческая теорія — какія еще не созданный монотеистіе зѣтъ излагаетъ — принята бытъ не можетъ. Мы знаемъ, что и въ Римѣ, какъ и въ другихъ странахъ ^{в то время} религія вовсе не была производимымъ учрежденіемъ, которое законодатель Судоро бы при, думать для государственныхъ цѣлей — или, какъ теперь миссіонеры пересаживаютъ христіанскую вѣру въ ядовитыя страны —, а продуктомъ извѣстныхъ народныхъ воззрѣній и вѣрованій; мы знаемъ и то, что религіозная гермикозга въ Римѣ вытекала не только изъ м. цѣлостія или изъ мѣлкихъ поддѣлъ подъ вѣсомъ покоренныхъ націй, чуждыхъ имъ въ религиозныхъ дѣлахъ и подчиненныхъ имъ политически, — сколько изъ природы самого политеизма: вѣра въ многобожіе, въ существованіе безчисленнаго множества мѣстныхъ боговъ, уже заключала (какъ Шаховъ совершенно верно замѣчаетъ) въ себѣ признаніе чужихъ, иноплемѣнныхъ божествъ, которыми вѣрили какъ имъ, такъ и своимъ.

Какъ бы то ни было, мы видимъ изъ этого, что монотеистіе, подобно многимъ другимъ современнымъ,

преимущественно заинтересованы социальной, политической, гетской стороной религии. В этой точке зрения они и в позднейшие свои сочинениях будучи защитниками религиозных принципов, но нечего и говорить, что они всегда оставались чуждыми к догматизму.

Монтезкье предельно исключительно подлинно-мужественной и исторической действительности. Своим литературным поприщем они назвали «Персидскими письмами» (*Lettres persanes*) в 1721 году. Это одно из самых смелых и оригинальных произведений всей французской оппозиционной литературы. Двое персиян, Рика и Узбек, долго приобщались модными западного просвещения, — говорили авторы, — и под конец до того сблизились, что стали необходимыми создателями в Париже, как центры мировой культуры. Узбеку, славившемуся своими гаремными восточными делами, было писано, что отлагаясь в его отсутствие в Персии. Таким образом идущие параллельно рассказы о Париже и французах, и больше или менее воображаемая сцена из восточной жизни; последнее было необходимо для большей правдоподобности точки всей книги. Прикажав во франциса, Персияне перешли дурь от изумления к изумлению. Они застали Людовика XIV на склонных днях; недобольство расцвело, и они следили за его развращением.

1) «Король Франции стар» / ишир Узбекъ своему придворно

1) Le roi de France est vieux. Nous n'avons point d'exemple dans nos histoires d'un monarque qui ait si longtemps régné. On dit qu'il possède à un très-haut degré le talent de se faire obéir: il gouverne avec le même génie sa famille, sa cour, son état.

во Смирну). Въ нашей истории много примеров, что бы
 монархъ такъ долго царствовалъ. Говорятъ, что онъ обла-
 даетъ въ высокой степени развитой способностью повеле-
 вать и распоряжаться повелевается: онъ съ одинаковымъ
 талантомъ управляетъ семьей, дворомъ, государствомъ;
 не разъ слышали, какъ онъ говорилъ, что изъ всѣхъ
 формъ правленія ему больше всего нравится турецкiй
 режимъ или режимъ нашего абхазскаго султана:
 такъ цѣлится онъ воздвигнуть политику. Я изучалъ его
 характеръ и нашелъ противоречивъ, который я не въ
 силахъ сообразить: напр. у него есть любимецъ 18 лѣтъ
 отъ роду и любовница 80 лѣтъ (г-жа Монтенотъ); онъ
 любитъ свою религию, но жертвы не можетъ дать, ко-
 гдѣ проповѣдуетъ строгое исполненiе ея предписанiй
 (Яксентисовъ); хотя онъ и удаленъ отъ городского шума
 и мало общается, однако онъ съ утра до вечера ѣздитъ
 фолько и замѣръ, что распоряжаться о себѣ говоритъ; онъ
 любитъ угрозы и побѣды, но онъ съумѣетъ оне бѣзъ хо-
 рошаго генерала, сдѣланнаго во главѣ его содѣлывающа
 войскъ, сколько онъ могъ бы опасаться возмѣдъ брагиде-
 ной армiи. Онъ любитъ награждать фолько, которые ему
 служатъ; но онъ такъ же щедро платитъ своимъ при-
 дворнымъ за ихъ праздность, какъ и своимъ военачалъ,
 никакъ за ихъ трудныя кампанiи, часто предполагаетъ
 онъ человека, который его раздѣляетъ или подаетъ ему

силу. Но то, что я редко говорю объ зреломъ государь не
должно удивлять редя: есть еще больше могущий вошедъ,
никъ; его зовутъ напои; зоръ померъ заславить въоружъ
уже рѣшился во все; по его Антонию, наприч. одианъ
равенъ зрелъ и г. д. Велюдь за рѣль переданъ всѣмъ дру,
и, ^{Съ 24, 1840} выданный «церковного консулцискаго». Мѣсково
далше персяимно Гика называеъ напу схарвилъ и доволъ,
козороу курдъ Имилъ фолько по привилъ...¹⁾ X

Таковы первыя внезапныя. Они еще усиливаетъ
при новыя наблюденья. Пурешесуветникамъ сзано,
виждъ деламъ, что одрѣхловитъ король, его 20-ти мюу.
мидъ любовница и сгарый духовникъ, не посылатонже
запросовъ шизми, должины были доверси сзраму до разо.
ренид. Они хвалъзъ реленжа за то, что она въ первую же
минуту кое-что излытисилъ къ лучшему, снѣлъ съ карода
нѣкозория подази и образилъ къ содѣйствію карла,
мешовъ, «зрѣлъ разваломъ, козорый долна помираеъ
погали, но козорый все-таки напоминаеъ о нѣкогда
вельнесуветномъ Храмъ». Но скоро эри похвалы черу.
наеъ мѣсто порицанію; явилъ ло, и, «вѣ еплоги.
мисъ въ безсуетной заговоръ во илдъ нашивъ. Може
было видѣтъ несурвилъ фразданъ, козорые, лознасъ снаъ,
говорили: сегодня я разорилъ одну семью, завтра
иудино разорилъ другую.»

Книга оуливаеъ очень прозкимъ оурицаретисилъ

1) Le pape est le chef des chrétiens. C'est une vieille idole qu'on entense
par habitude. Il était autrefois redoutable aux princes mêmes, car il les
déposait aussi facilement que nos magnifiques sultans déposent les rois
d'Orimette et de Géorgie. Mais on ne le craint plus. Il se dit successeur d'un
des premiers chrétiens, qu'on appelle Saint Pierre.

направленийъ. Какъ уже знаемъ, дѣло происходитъ въ концѣ царствованія Людовика XIV и въ годъ реинтеграціи. Эта гора книги и представляется для насъ значеніе; заглавіи безвѣстны эпизоды Эрозическаго характера, письма изъ са. мой Терсин о разсѣльхъ пероридхъ въ гавельхъ, козорвй при. ходилмел по вкусу современникамъ, но для насъ интереса нѣтъ не могутъ. Кромѣ зого Монтескье не знаемъ восточна и дѣлалъ смѣшныя ошибки; это была только забавная аллегорія, козорая позволяла свободные высказанія. Они были тогда подѣ влияніемъ перевода, Тиссоти и одной ночи и путешесвіи въ Терсина Шардэна, — восточный колоритъ явился какъ-то самъ собой.

„Порсидскія письма“ касаются преимущественно самыхъ разнообразныхъ явленій французской общественной жизни въ 10-хъ годахъ XVIII столѣтія. Авторы изобразительны сатирическими чертами придворную жизнь, правленіе Людовика XIV, финансовая операція Дюмола, французскій судъ и законодательство, французскіе претивель и академикове. Съ другой стороны подвергается сатира и церковная дѣла: ордена Намзскаго эдикта, религиозная преслѣдованія, монашество, нѣкозорые догматическія постановленія и особенно папство, козорое характеризруется очень резкими мизантропіями. Но въ томъ дѣлѣ вопросахъ авторы относятся съ точки зрѣнія простодушнелъ, обнаруживающъ свой дилетантъ, прославляющъ

религиозно зернивается, порицается правительственный про-
 извол и господствующий антагонизм между общесервн-
 тскими классами, и даже склоняется въ своихъ сужде-
 нияхъ къ республиканской формѣ правленія; отъ этого
 послѣднего взгляда, какъ мы увидимъ, Монтескье оу-
 снуишь въ своихъ позднейшихъ сочиненіяхъ. Какъ высе-
 ко подиждь зомъ Эзмъ, Писемъ, какъ резко проведенно
 саркастическое направление, мы можемъ судить по хольско-
 му ^{мной} фантомъ виденію, которая познакомила насъ оу-
 каси и съ литературной формою сочиненія. Оурибокъ,
 который я привелъ, касается Людовика XIV и паче.
 Оуношеніе Монтескье къ этому королю совершенно со-
 гласно съ воззрѣніемъ многихъ другихъ образованныхъ
 людей начала XVIII вѣка (Бэйля, С.-Иверра): они про-
 тивились духомъ рѣшительной оппозиціи всей поли-
 тикѣ такъ называемого „великаго“ царствованія.

Монтескье резко относился къ Людовику XIV; жестко
 дакже безцеремонно онъ разсматриваетъ все француз-
 ские порядки, строеніе французскаго общесува, соходніе
 законодательсва, церковные индигуры и прог. Авзоръ
 какъ буржо ^{кларетикъ} вѣскользь набрасываетъ много идеаль государ-
 сва. Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ среди общаго
 очерка нравовъ безавлено обозрѣніе важнейшихъ
 республикъ, оурибокъ, предвѣщающій „Духъ законовъ“.
 Персидские сообщаютъ друзьямъ объ образѣ правленія, не,

вьздохомъ въ Азїи, и въ историческомъ очеркѣ съ особен-
 нымъ сочувствїемъ охранялиахъ на великомъ знамени
 римской республики. Въ аллегорическомъ разсказѣ
 (письма XI - XV) объ арабїйскомъ племени Троглодитовъ,
 по второму замыслу Сорель, мы предугадываемъ "общину"
 и республику, грезившуюся Руссо. Троглодиты свергли
 многоземнаго своего повелителя, посадили сами себя съ-
 рами и завели новый государственный строй. Но это
 имъ не удовлетворило; они стояли своихъ воздѣй и
 упразднили весь общественїя; благородныя геловоческія
 инстинкты пригнѣтили и ниль; алчюсъ къ деньгамъ,
 неумѣренность въ наслажденїяхъ, нарушение семействъ
 и брачныхъ узъ, развїе поизна довели народъ до гибели.
 Вьзвѣдъ всякаго рода изурядили его за исключенїемъ
 псковскїихъ царь. Цугаловїе франкозъ началъ жизнь
 вьзнова, съодъ вѣкъ за одного, и одному за вѣтъ.
 Сурата озиваеъ, миссѣвѣнныя идеалы руководитъ
 его. Еи нуменъ воздѣ. ^{послѣдствїемъ} Вѣтъ, ^{предложитъ} властъ одному
 уважаскому сфарцу, но, обливаетъ слезами, оны молчѣ
 нѣ не сравитъ никого выше самїихъ себя. "Мнѣ немного
 озаеъ прожить. Вскоръ я свѣзисъ съ нашими дорогими
 предками. Захотѣхъ ходить въ, тодѣ я оогрилъ мѣ, но,
 вѣдавъ, что оставилъ васъ подѣ другимъ дрѣмъ, а не
 подѣ сладоснѣмъ игомъ добродѣтели!"

"Съ змихъ неопредѣленнѣмъ республиканизмомъ

молодого Монзескё" — замочаетъ А. Веселовскій —, можно сопоставить характеристику Москвы того времени, при слабую будто бы Уздеку озвуча персидскими послами и восстанавливающую въ симпатичномъ своѣмъ преобразованіи гонимую гонимостью Петра Великаго.

Обрисовавъ въ комическомъ анекдотѣ каибное самоинтые закарскаго хана, върившаго, что онъ первый властелинъ на земли, и приказывавшаго бирюгу возглашать посла Ханской Францы: „великій повелитель поощряетъ, — теперь все другіе государи могутъ обладать“, Монзескё поспѣлъ надъ взглядомъ, укоренившимся съ при Людовика XIV, будто въне Франціи ничего нѣтъ. Онъ поспѣшно выдвигаетъ на первый планъ расовый различіе, котораго впоследствии стали закру рога въ его вазилитетъ зрѣть. Перейдемъ часо наоду, что безобая условія на иль родителъ гораздо гуманнѣе; меншма свободнѣе въ гаремъ, чѣмъ во Французской семьѣ, оградѣнной запрещеніемъ развода. Иль поразмаеу духъ раболѣпнѣ, всюду различій; они находятъ, что здѣсь, сословіе макеевъ очень важно и случившъ разсадникомъ будущимъ величностію. Поразмаеу иль и кил, рикальские нравы, богаче и лопнивсе монахи, „ди, ректоры совѣсти, забравшіе въ руки дѣла и лопнид богачилъ семьи, — и безгласное общесрвеннаго интыи, и курбзное зрѣлице Академіи, руководителнище

У или бирюгу

вкуса, составленной изъ дряхлыхъ, выжившихъ изъ ула стариковъ, — и безцеремонносье въ дѣло писева, азартной игры, цинизмъ любовныхъ интригъ и т. д.

Всякій разъ, когда общесуевенная сакура запыльется у Монтескье мѣсто кризиски правовъ, его зонтъ становится роще, и онъ со всталью превосходствалъ своего генія развѣ. Вась же, тѣ находилое зонтко въ зародилити въ некое, роще гасудилъ книги Лабрюйера. Правда, тѣ онъ восполь. зовался урокомъ соборзидъ: онъ видѣлъ конецъ долгаго и гдѣнелаго царевования Людовика XIV; онъ пише въ разгаръ реакции, послѣдовавшей за смертью великаго короля и, съ своей стороны, оуъ всего сердца способуеетъ ей. Онъ осудаетъ все решимъ; онъ зронитъ фронтис. сровъ, составъ козорвилъ надираетъ, по словамъ одного изъ его Персиды, изъ среды лакеевъ; онъ указываетъ на злоу. позрѣленіе привилегіи дворянства и билуеъ немасу. нуто мадмоель придворныхъ. Онъ высказываетъ свое мнѣ. ніе о фекуциѣ дѣлать, о сиеженъ Ло (Лоу), козоручо онъ кризискуеетъ. Но всего болѣе онъ непадеетъ на деспотизмъ Людовика XIV, козорало неавидитъ не менѣе, чѣмъ Семъ. Сикотъ. Онъ показываеъ, какимъ образомъ монархія въ. розидаетъ въ республику или въ деспотизмъ, и уше на. брасиваеъ здѣсь свою знаменитую теорію о посредству, щимъ властѣхъ. Для назиданія гизаелей, онъ восходитъ до вопроса о происхожденіи общесуевъ и, слѣдуя своей франзази,

развивается, подобно Платону, почти в родъ мифа, являясь, по крайней мере, как бы грёзой здравомыслящего и оптимистического разума. Это рассказывается — как мы только что слышали — изречено Тиромодифовъ, козорые погубили, оздавивши своими природными инстинктами, црь лишь спаслись только двое семьи, послужившия основателями — какъ некогда Ной со своего семейства всего человечества — основателями новаго народа, благоденствие котораго не кончается на домашнихъ и военныхъ добродетеляхъ и на религии.

Слово религия не должно насъ вводить въ заблужденіе, думая относительно идей монхескѣй. Религия для него (какъ мы это ^{уже} раньше видѣли) — такое же учреждение, какъ и всякое другое, она — созидательная часть политики. Монхескѣй — глубоко невторична; христіанство такъ же непонятно для него, какъ и исламы. „Внутренняя основа религии ускользаетъ отъ него — такое же, впрочемъ, какъ и основа поэзии и искусства.“ (Т. Лансонъ).

Красное впечатление производятъ эти „Письма“, хотя въ нихъ господствуетъ неподдельно веселый тонъ. Именно, Персидне показало въ своихъ письмахъ извѣстныя о своей сформѣ и о своихъ семейныхъ дѣлахъ; легко понять, какое широкое поле представлялось здѣсь воображенію молодого француза, жившаго во времена регенства, и съ какими нескромными любопытствами онъ могъ изъ-

Браслет роскошную и сладострастную жизнь серала, бьющих
 мечущих и персях евнухов, пылко любово, дикою
 ревностью и безудельной страсти. Но все это — как уже сказано —
 случилось только украшением книги; сущность же ее заклю-
 чалась во внеэпизодичности двух симферей воевода, Брошен.
 махъ въ средѣ европейской цивилизации. Все въ ней удив-
 ливо и шокируетъ насъ. Въ Этомъ сказана не-
 яснось и сдвигивоесь, свойственный чужу автора. Самый по-
 верхностный описанія перемещиваются у него въ самые
 серьезные изслѣдованія.

Поверхностна у него кризиса нравовъ. Ладриеры
 не такъ глубоко, какъ Монсеръ; Ласанъ менее глубоко, не-
 жели Ладриеры; Монсерскіе же дальше отъходятъ въ эротич-
 ескихъ отношеніяхъ Ласана, нежели Ласанъ отъ Монсера. Это
 — прекрасный живописецъ, тонкій и острочувствительный; онъ
 мастерски владеть перомъ и умѣетъ превосходно изобра-
 зить въ комическомъ сценѣ какой-нибудь предрасудокъ или
 какую-нибудь сфранцузскую привычку. Онъ способенъ ослѣпить
 праздное любопытство парижскихъ зрѣлакъ или блестящую
 пухору свѣтскихъ разговоровъ, указавъ на женское кокет-
 ство или на различныя формы самодовольной глупости,
 безрассудней въ свѣтъ; но въ его „Персидскихъ пись-
 махъ“ нѣтъ ни зѣнки психологической проникательности.

Въ нихъ есть, однако, и очень серьезная мысль, хотя
 въ нихъ господствуетъ — какъ уже сказано — неподдельно

вселенной зоны, а разведка придана в число персидского
вкуче, — Узбекъ постыпно возвращаеся, узнавъ, что безъ
него зимы его сократились и воздвигались.

Что касается ^{наконецъ,} до происхождения фразы ^{этой} («жизни, до
надо знать, что Азия в конце XVII столетия была в
паде. Въ то время съ любопытствомъ проигрывалась раз-
сказы Тюркисе, Мардэна и Шаверисе. Переводъ, «Тасани
и одной ночи», едъланей въ 1702 г. Галландомъ (Zalland)
оставилъ въ умѣхъ разнообразней карзуниски и правови
и обиваеъ воезюка. Прозивоположенное воезюкаго
и европейскаго мира бросалось въ глаза; осюда оставался
зюлко одинъ шагъ до того, чтобы представитъ воезюкаго
ширель въ роли кризиса французскихъ сфранкозей
и предразсудковъ. Дюфрени (Ди Френи) издалъ въ 1707 г.
«Сервезюка и забавный развлеченія одного Сіамца», и возъ
подвигался и «Периджскій писма» Коузекеге.

Писма эзи — блестящая сатура на политическя,
церковный и социальный упресиденія Европы и воео,
бенности Франци. Никогда еще политическое и рели,
гиозное свободомыслие не проявлялось болъе рязко:
въ то время, когда Волсверъ зюлко еще начиналъ свою
перессртылку, это была уже озярыца война. Въ рели,
гиозномъ отношеніи эзи писма содержатъ горскія
и оетроулиныя настановки надъ правотверіемъ (т. 16 сл.),
панезвои (24. 29), безбраіемъ дуловенезва, надъ лоня.

Книжка, Журнал

сферы (116. 117), промисловых духовников (57), судима надъ ерефиками и недержавности (35. 85), расширяли сексу (135), даме надъ христіанскими догматами, именно надъ учениемъ о Христе (39) и о грѣхопадении, Ясно было, что авторъ книги думаетъ, вторующій въ Бога и безъ смерти, существующе религіи: полагаящій исключительство въ французскомъ исполненіи любви и добродѣтели. Въ политическомъ отношеніи онъ подвергаетъ самую пѣдную критику блестящую вымышленую царствованія Людовика XIV (письма 37. 80. 92. 107), заносчивое своеволие дворянъ, офиц., пансовъ безразудства Дюмона Ло (98. 99. 123. 138), злоупотребившихъ правъ-привилегій (100), испорченность нравовъ (89. 90. 101), пороки притонкой образованности и роскоши (105. 106), безмысленное ризорезво Академіи (73). "Персидскія письма" обнаруживаютъ римское предположеніе демократіи. Авторъ полагаетъ, что госуд. дарственное устройство республикъ Швейцаріи и Нидерландовъ (н. 122) гораздо болѣе досойно подражанія, чѣмъ конституція Англіи.

Книжка имѣла большой успехъ, - въ 1721г. вышло второе авторскіе изданія и черезъ конгрессію, быстро расхватавшея; книгопродавцы приезжали ко вельможамъ, ко владѣвшимъ перьямъ, и заказывали "что нибудь въ родѣ Персидскихъ Писемъ". И несомненно это - одно изъ самыхъ счастливыхъ и оригинальныхъ произведеній всей французской

4) Монзескэ

оппозиціонной литературы... Этим — по выражению Тэре —
подъ покровомъ политическѣи губервемоси оиъ об-
ращалъ внимание нации на самую грядущую и гревъ,
звѣд опасноеудли задачи! Подъ вымышленной фрор-
мой наблюдений и сообщений предвѣдатель въ дворокъ
Персидскѣи, Монзескэ въ своиъ, Персидскѣи тѣснѣи
съ неумолимой разкоусью, но въ оиѣ время и съ зор-
кѣи покорѣи и самою огаровадѣи трагизмосуто
криуковалъ францускѣи ознотенѣи послѣднѣи
дней Людовика XIV и задалъ рецензѣи и папѣи

«Персидскѣи тѣснѣи», говоритъ Т. Лансонъ, «имѣли
цѣль, на которѣи могла разкоусываться, во времена
рецензѣи, рѣзкая сатира, прерывавшаяся сладосур-
ными описанѣи. Когда сдѣлалосъ извѣстнѣи, то
авторѣи книги были саринѣи президентѣи Бордосскаго
парламентѣи, се сдѣли находить еще болѣе интереснѣи,
вѣдѣи контраста между еѣ легкимъ зорѣи и
важнѣи судейскаго сана. Хуррей гасконскѣи раз-
сказывалъ на оѣ. Но мы и знаемъ, что, когда замѣ-
рѣи обѣ избранѣи Монзескэ въ члены Академѣи
и по поводу этого возникли затрудненѣи, идо въ немѣ
видѣли автора бойскѣи «Персидскѣи писемѣи», что Мон-
зескэ обѣдался никогда публичнѣи не признавалъ себя
авторѣи этого сочиненѣи. «Покорносъ 2. президентѣи
Монзескэ была полѣи», иишѣи обѣ этого кардиналь

1) въ «Antiquaire de la République de France» (т. 29, p. 335.)

Фрлёри, и смиренный сочинитель сатирических писем
 был принят в число академиков. „Дальше видно,
 что всталъ просвѣдителей XVIII столѣтій Мондескѣ (да
 еще Бюффонъ) озмчался на добромъ практическомъ
 консерватизмѣ; и потому-то нечье всталъ другимъ
 онъ возбуждалъ прозвѣ себя въ послѣдствіи независимъ
 реакціонеровъ, которые всегда выгораживали его изъ сонма
 вольнодумцевъ“. (А. Шаховъ).

Несмотря на все предосторожности, Мондескѣ при-
 шло вынести немало ударовъ изъ-за этой съ виду невин-
 ной книжки. Она испортила его карьеру въ судебномъ
 мірѣ, въ придворномъ кругу и въ академіи, но сблизила
 его съ салонами, гдѣ уже поспѣшно слагались маге-
 ріалы для будущаго энциклопедическаго движенія.
 Тамъ онъ былъ желаннымъ гостемъ и издѣлялъ разно-
 образіемъ своихъ дарованій, то высунувъ въ издѣлку-эро-
 зическими вещами въ анжуйскомъ вѣцѣ, увлекалъ
 оутомленныя, то загромождая глупокіе политическіе вопросы.
 Въ то время появились именно его эрозическіе романы
 „Храмъ Гниды“ („Le temple de Gnide“) и „Лизинакъ“
 („Lisimaque“). Это были дѣловѣйшими выраженіемъ
 поэтическаго таланта Мондескѣ. Но онъ не удовольво-
 рился ни этими вещами, ни этой узкой сферой
 и, озорвавшись отъ французской обертки, въ извѣстной
 степени привившей ему прививку Энциклопедіи, пред-

У нн: „Arvace at Fminie“.

принял (как уже знаем — предположительно путешествовал по Европе (в 1728 г.), обогащавшее его ум множеством наблюдений и сравнений; изъ него отъ вернувшейся дру- зинь человека.

После возвращенія изъ путешествія Монзескѣ поселился въ своей запискѣ Бредѣ и черезъ нѣсколькихъ летъ (в 1734 г.), после прилежныхъ изорическихъ замядй, отъ вынулъ свои „Разсужденія о причинахъ, чинахъ величія Римлянъ и ихъ упадка“ (Considerations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence). Про сочиненіе проникнуто рѣшимельными присужденіемъ къ патрицианскому Риму. Одна изъ самыхъ раннихъ работъ Монзескѣ касалась ^{уже} Римлянъ, а именно ихъ политика въ религиозныхъ дѣлахъ, — теперь отъ обращаетъ онъ наше вниманіе на этого народъ. — Принимая римскаго величія взоръ видя въ любви къ свободѣ, къ зрѣду и къ оженству, въ сурро- гоци военной дисциплины, въ добротѣ парій, кодо- радъ укрѣпляла духъ націй, но передъ вышними врагами угибала; въ зверстве, даме въ несчастьи; въ правилахъ заключаетъ миръ золько послѣ победы; въ погосудѣ зрѣдѣра, козорья возбуждали соревнованіе между полководцами; въ правилахъ брахъ подѣ своего защиты зѣ народы, козорья возстають противъ своихъ властителей; въ мудрой политикѣ, осрававшей

подъвиденнама свободу и въ религиознаго култа; въ чини
 моимъ правилъ — никогда не вези войну прозивъ двухъ
 неприятели разомъ, а переносишь оуь одного все, пока
 не будешь подъвиденъ другой. Въ другой стороны прими
ни надея отъ видуръ въ непомыслимъ увеличеніи
 государства, при которомъ народный волненія неминуче
 должны были принять характеръ грасиданскихъ война;
 въ отдаленныхъ войнахъ, котория, причная грасиданъ къ
 долготу оуьчувствію, мало-по-малу лишили и въ ресудли.
 Канскаго губевва; во всеобщности грасиданскаго права,
 которое, будучи распространено на различная народности,
 сдѣлало, наконецъ, изъ римскаго народа многоглавое чудо,
 вице; во распуцении оуь правовъ, явившейся величавіе
 азіатской роскоши; во проскрипціяхъ Сулла; во почти
 непрерывномъ рядѣ дурныхъ императоровъ оуь Тиберіа,
 ризъ до Нервы и оуь Коммода до Константина и, наконецъ,
 во раздѣленіи имперіи.

Такимъ образомъ книга Эра — первый историческій
 зрудъ новой литературы, въ которомъ авторъ сямовидя
 на дѣйствительно прагматическую точку зрѣнія, г.е.,
 сараея показатъ, что процвѣтаніе и упадокъ народа
 зависящъ не оуь случайности а оуь всеобщныхъ правевен,
 ныхъ причинъ. Онъ говоришь: „ Не слѣпая судьба управ-
 левя мѣромъ. Можно узнать оуь Эра оуь Гиллямотъ,
 мезорія котория заключаетъ въ непрерывномъ рядѣ

удасть и благополучій, пока государственная жизнь
 нтъ опредѣлялась однимъ извѣстнымъ планомъ, и за-
 хватъ — въ законъ тѣ ряды дѣдствій и позоръ, когда зоръ
 общій планъ измѣнился. Сущеевучоъ общія приемы,
 какъ моральскія, такъ и физическія, которія дѣйствуютъ
 въ каждомъ государствѣ, возвышаютъ его, поддержива-
 ютъ или разрушаютъ; вѣсь случайности подчинены
 этому приему; и если неходъ какого-нибудь сраше-
 нія, т.е. причина гасная, разорила государство, то су-
 ществовала причина обща, въ силу которой это госу-
 дарство должно было именно погибнуть — жертвой одного
 неудавшагося срашенія. Однимъ словомъ, господствующе
 мее реченіе увлекаетъ за собой вѣсь гасная случайна,
 сри. Мы видимъ, напр., что около двухъ вѣковъ датская
 армія была почти постоянно разбиваема шведскими
 войсками. Независимо сри храбрости общаго націи
 и военныхъ маневровъ, обезоруженіе это должно обу-
 словливаться какимъ-нибудь внутреннимъ порокомъ
 въ военномъ или гражданскомъ устройствѣ Дании.
 Въ этомъ развѣтвленіи дѣль заключаются цѣлая про-
 грамма философіи исторіи. Какъ далеко отойдетъ въ этомъ
 случаѣ монтеस्कѣ сри Вольтера, приписывающаго, какъ
 мы увидимъ впоследствии, самую крупную ошибку
 мелкимъ случайнымъ приемамъ! Напротивъ того,
 монтеस्कѣ всегдѣ вѣдетъ зѣкъ на первый планъ общія

короткий условия исторических явлений, и въ анализъ
этихъ условий, этой почве полагаю задачу исторического
исследования.

Контрастъ между этою книгою и Персидскими писаниями
огромный. Здесь все — серьезно; языкъ сдержанъ, безъ шуток,
шутки и сарказма, безъ скучности, безъ односторонности и
законченности; языкъ — поучительный; фраза выразительна
и рельефна, какъ прекрасная медаль; изрѣдка издается
поражающій блестящій образъ или неожиданное сравненіе,
а восклицательныя порывы сдѣлають сухое извлеченіе,
нахъ разсужденій объ историческихъ фактахъ.

Такая свойства сдѣла обнаруживаются передъ нами
одну изъ сторонъ чина Монтезкэ. Эрозъ шивой и блестящій
гасконецъ сразу любилъ древнее, на что указываютъ
и его издѣлки — Эрозическія вещицы въ африканскій вкусъ.
Въ эрозъ — въ любви къ древности — заключался его (Монтезкэ)
гаскъ наследія XVII вѣка. Онъ преклонялся передъ великими,
красноречивыми и добродѣтельными Римлянами; онъ съ упоеніемъ
читалъ Таца Ливія и Тацита и много думалъ надъ ними.
Его восхищали примѣры Энея и Гордуса, проявляв,
мечетъ римскими героями въ эпоху пороковъ ит.,
ператоровъ. Не поддавался обаянію Христіанскаго идеала,
онъ увлекался возвышенностью языческой добродѣтели.
Благодаря этому, среди медленной и трудной подгозо,
визитной работы надъ его послѣдними капитализмами

произведениям „Духомъ законовъ“ („Esprit des lois“), у него
 выработался глубокий и тонкий анализ политическаго
 генія Рима и его историческаго развитія. Какъ знаетъ, то
 точно знаетъ же, какъ некогда Платонъ далъ своею Гер-
 манію своимъ Римлянамъ критерій образцовой, про-
 срой, ствѣней жизни, Монтезккѣ хозанъ подъ еяроимъ
 отыденіемъ разлагавшагося Рима далъ приговоръ надъ
 современною Франціей. Монтезккѣ, верная поведомо
 на своемъ пути Рима, не могъ не досаждать себѣ удобою,
 еяже окитируеть однимъ общимъ взглядомъ все развитіе
 римскаго исторіи.

Госсюэ уне досаждаетъ себѣ подобное зрѣлище ранне
 Монтезккѣ. Монтезккѣ, не имѣвшимъ, впрочемъ, ничего
 общаго съ эяимъ великимъ христіанствомъ, не могъ бы
 отрицать, что отъ былъ его критеріемъ. Углымъ ордена
 „Разномыслия“ или „Разсуденія“ свидѣтельствуетъ, что
 тѣхъ абзоръ внимательно взиравався въ „Слово о все,
 мірной исторіи“ („Le discours sur l'histoire universelle“)
 Госсюэа; это — роль ордена, где Монтезккѣ перечисляеть
 принципъ римскаго величія. Отъ зомско разбаваеть, съ
 свойственными ему зманіями и пронизаваемостью,
 бѣглымъ указанія Госсюэа, когда излагаетъ сущность рим-
 ской, ^{души} удобою къ свободѣ, зрудѣ и озерсерву, силу военнаго
 зрѣденія и дисциплины, омерзоченнось впузрен-
 ность раздороба, деронавшихъ уне въ постройномъ

Французская история литературы XVIII в.

возбужденіи, и немедленно же забывшихъ въ случаѣ
внѣшней опасности, — когда говорится о звердоси Римляновъ
въ несчастіяхъ, оникъ правила заключаетъ миръ зольско
въ капитулъ побѣдителей и, наконецъ, — объ искусствѣ
сената, сущности котораго сводилася къ двумъ принципамъ,
наимъ: поддерживать народы противъ королей, охранять
побѣжденныхъ нѣмъ обычаи и права и имать не болѣе
одного неприятеля сразу. Мысль Монтезккѣ не одна.
руководствъ болѣею эрудіціи, глубины и большаго оудро,
умія, какъ въ этой шестой главѣ, гдѣ отъ раздѣленія
спереду внѣшней политики Римлянъ.

Такъ какъ Боссюэ почти ничего не говоритъ объ
упадкѣ римской имперіи, то здѣсь Монтезккѣ высуну-
еть одинокъ, и эта часть его книги очень нова, полна эру-
диціи и очень оригинальна. Обширность римскаго
сударства, величество кождой споры на форумѣ замѣны,
мис гражданскими войнами, отдаленная война, уби-
вавшія патриотизмъ солдавъ, распропаганда права
гражданства на все націи, роскошь, развращенная
права, проскрипціи, сзраніе передъ кождымъ разбиваніемъ,
со бременемъ Судилы и до Авугса, душевную силу людей,
подготовленія нѣмъ къ разбѣгу, рядъ дурныхъ императо-
ровъ, раздѣленіе имперіи, разрушеніе западной имперіи
нашествіемъ варваровъ и медленная агонія восточной
имперіи, вошь — главный соборія, охватившія упадокъ рим.

скаго народа. X

Книга Монзескѣ въ настоящее время издана и сама по себѣ научнаго значенія много не имеетъ, такъ какъ она далеко не исчерпываетъ предмета и не лишена многихъ недосмотровъ. Во-первыхъ, недо-
вѣроразумна въ кризисическая сторона. Монзескѣ не особенно внимательно разбираетъ источники, не вникаетъ въ ихъ болѣе или менѣе дозрѣлость; онъ принимаетъ на веру все сказанія древнихъ истори-
ковъ; онъ не контролируетъ ихъ утвержденій и не слу-
шаетъ ихъ противоречій. Ему даже не приходитъ въ голову предположенія Стюэ-Двемона, и онъ не подозреваетъ о возможномъ заданіи, котораго поселились себѣ въ это время одинъ голландскій ученый: черезъ четыре года послѣ «Разсужденій» появилась Диссертація Вилфортъа (Бедфора) о недозрѣлости тѣхъ первыхъ столѣтій римской имперіи. Монзескѣ съ законною неусузрѣтностью разсуждаетъ о Нумѣ Помпильи, какъ и объ Августѣ. Это роль начинается только съ золкова, нѣдъ законцовъ, и онъ комментируетъ ихъ, какъ горисхъ, не мѣткою надобности ни старивать ихъ, ни ихъ, правды, ни пробовать; онъ принимаетъ ихъ за нѣчто установленное, подлинное и дозрѣтое и ограни-
чиваетъ только опредѣленіемъ ихъ смысла и уклада. нѣтъ на нихъ послѣдствій.

Можно бы было также указать на важные проблемы в сочинении Монтезкэ: на полное осуждение финансов, войны и экономических исследований и на похвальное забвение римской религии. Между тем Рильяне были в одно и то же время и самыми практическими и корыстолюбивыми народами, и самыми религиозными. Конечно, в одной из самых ранних работ он уже коснулся римской религии, говорит о религиозной терпимости и равнодушии Рильяны по специальным догматическим вопросам, но это было слишком мало.

Вне одних недосказок "Персидский" — и одна из печальных сторон залатца абзора — заключается в его любви к обобщениям, заставляющей его часто возводить в законы явления, только однажды наблюдавшиеся в истории. При этом Монтезкэ никогда не пытался придавать строгой форму своим сочинениям. Его мысль шла скачками, а не развивалась непрерывного потока. Это легко заметить по осуждению общего плана в его книге. Судя по ее главам представляются искусственные рамки, разрозненные формы, в которых автор группирует вокруг одной центральной идеи целую коллекцию блестящих характеристик и глубоких мыслей.

Несмотря на все недосказки, для нас Монтезкэ важен, как историк, как глубокий исследователь об- щественных явлений. Уже в "Персидских письмах"

мы занимаемся исторические задачи Эго писателя, его склонность сопоставлять и сливать различные обществ. ветви явлений, раскрывать их взаимоотношения, изучать их, как объективный факт. Въ „Разсужденіяхъ“ о римской исторіи мы находимъ уже общія философско-историческія воззрѣнія, которыя характеризуютъ направление Эрдювъ Моузеескѣ и приложиваютъ насъ къ то знаменитому „Духу законовъ“ (Esprit des Loix).

„Разсужденія о Величій и упадкѣ Римлянъ“ имѣли болѣе значеніе. Въозъ эздѣ о римской исторіи было произведеніемъ рациональной и свѣтской философіи: до него по этому предмету существовала только географическій трудъ Боскетъ. „Въ первый разѣ“, говоритъ Лансонъ, „чѣ исторіи изстраиваетъ руководящее Провиденіе, и пригнана событія описывается въ самомъ содѣяніи, въ отношеніи предшествовавшаго къ послѣдующему; исторія изучается по методу физическихъ наукъ; не предполагается, чтобы какой-нибудь высшій разумъ велъ римскій народъ къ предназначенной ему цѣли; и тѣмъ не менѣе историческія событія происходили не случайно; развитіе римскаго могущества и упадка бывшій затѣмъ упадокъ являлись логически и неизбежно; каждое переходное положеніе вещей содержитъ въ себѣ слѣдующую ступень, которая реализирована въ силу естественнаго хода событія. Итъкозоровъ

несомненно и общия или вычуренная свойства, каковы духъ народа и его основные инстинкты, или же поро, явные вышние факты, каковы — президентия и основ, ные законы, определяли главное направление и глав, ная форма исторической эволюции."

Политическое ^{видение} ~~устройство~~ этой книги было громадное. Шоссеръ такъ оцѣкиваетъ его въ своей исторіи XVIII ст. людей: „знавший, умный и знаменитый человекъ, въ эпоху сакаго мрачнаго деспотизма, оубавился возвысился истрежен, ная души своей земляковъ примысрять величайшей и могущезубенчайшей націи; Монзеккѣ на римской исторіи показалъ знаме патриотизма, сознаниа своей силы и неозв, ячленыхъ правъ, — а для контраста, въ картинѣ той же націи, показалъ, какъ деспотизмъ унижаетъ народъ и, наконецъ, собственъ доводитъ его до гибели. Монзеккѣ преследуетъ ру же цыль, что и Маклабелли, но отъ такъ далеко отъ слѣпота и безусловнаго благоговѣнія передъ Римомъ, что не ходитъ, какъ патриотическій флорентинецъ, признаетъ за ниль славу лучшаго и величайшаго нрѣ государствъ; оно не ослѣпляетъ военное величіе."

„Разсуденій“ Монзеккѣ знаменито расширили область либерализма. Еще незадолго до него Фронзенелло предлагалъ — какъ мы слышали — вниманію дамы ауро, помню, затемъ Монзеккѣ заставлялъ ихъ подуматъ надъ исторіей. Хотя дѣло шло пока только о римской

истории, Этомъ излюбленномъ предметъ французскихъ классиковъ, Этой изборою земля красноречивъ и эрагедий XVII вѣка, — но форма сочиненія уще не была тм орадорской, ни драматургической. Мондескссѣ прямо предлагаетъ наиболѣе трудной и наименѣе привлекательной видъ исторіи: научное, философское объясненіе историческихъ фактовъ, — при чемъ строго-серьезный характеръ его „Разсужденій“ — „Размышлений“ прокла, дывающъ дорогу для еще болѣе долговѣ и строгихъ его изслѣдованій о „Духѣ законовъ“.¹⁾

„Esprit des Lois“ („Духъ законовъ“) появилъ въ Женевѣ 1748 г. Подъ Этимъ заглавіемъ передъ нами высунуется весь Мондескссѣ со всеми своими знаменіями и идеями, историческими, экономическими, политическими, религ., поэтическими и социальными, — высказанными имъ по поводу сравнительнаго изученія всѣхъ законодательствъ. Въ „Размышленіяхъ о причинахъ величія и паденія Римлянъ“ Мондескссѣ высказываетъ на первомъ планѣ общія коренныя условія историческихъ явленій, и въ анализѣ Этимъ условій, Этой почвѣ полагаетъ задачу историческаго изслѣдованія. Таковы были доиссѣдованія, но общій планъ, по которому отъ сего сдѣла работу при составленіи своего „Духа законовъ“ („Esprit des Lois“). Надъ Этой книгой отъ утрудился неутомимо и съ на-слажденіемъ, съ ревностю ученаго любителя. Подъ

¹⁾ Въ „Разсужденіяхъ“ надъ строгими осужденіемъ разлагающа, годъ Римъ скрываетъ именно приговоръ надъ современной Франціей. (А. Веселовскій).

конецъ зрѣніе Монтесккѣ стало ослабѣвать, отъ погубство-
 вальн^{аго} утомленія, опасался не кончить своей книги и за-
 нимался еще съ болѣе широкимъ направленіемъ. Въ началѣ
 июня 1748 года онъ писалъ: „Последніе зрѣ-
 нья мои я ^{до сих поръ} раскидывалъ, тогда кончилъ отдѣлъ о проис-
 ходеніи и развитіи нашего французскаго законодательства.
 Можно будетъ прочесть его въ три часа времени, но убо-
 рало васъ, что работа эта требовала отъ меня такого же
человѣка зрѣнія, что я постигалъ?“

Когда наконецъ „Духъ законовъ“ былъ оконченъ и
 изданъ, авторъ говорилъ: „Признаюсь, что этого зрѣнія чуж-
дому не свелъ меня въ могилу; теперь я отдохну и чувствую
болѣе работы не стану“. Такимъ образомъ „Esprit
 des Loix“ явился главнѣйшимъ и послѣднимъ сочиненіемъ
 Монтесккѣ, его завѣщаніемъ поэмѣ, свободны
 его многопользовательн^{аго} занятій. Когда нѣсколько позже
 Даламберъ просилъ его дописать для Великой Энциклопедіи,
 предисловіе къ той части которой тогда начали выходить, статьи
 о демократіи и деспотизмѣ, Монтесккѣ отвѣтилъ въ
 томъ „Объ этихъ предметахъ“, писалъ онъ Даламберу,
 „я извлеку изъ своего мозга все, что тамъ было, и новаго
я вамъ сказать ничего не могу“. Въмѣсто этого онъ отвѣ-
 тилъ написавъ Даламберу для Энциклопедіи статью
 о Вкусѣ, что и действительно исполнилъ. Обратился
 теперь къ разсмотрѣнію взора и послѣднее капицательное

согласия монхескэ.

"L'esprit des lois" (Духъ законовъ) — продолжение и дополнение предыдущаго сочиненія, Considerations sur les causes de la grandeur et de la décadence des Romains.
 Также какъ политическое великiе зависить отъ пола, физической свободы, то рассматривая вопросъ объ основанiи, силѣ, условiяхъ и гарантiяхъ этой свободы. Вынужденное редактирование отдѣльныхъ главъ этой книги — этого произведенiя, состоящаго изъ 31 книги (всѣхъ книгъ — 31) — найдти не легко. Для издѣланиа цѣлостнаго въ издавнiи, обзоръ былъ чрезвычайно несимметриченъ въ изложенiи. Основная мысль состоитъ въ томъ, что при всѣхъ государственныхъ учрежденiяхъ слѣдуетъ имѣть въ виду, но бракъ въ разсудкѣ различная условiя почвы, климата, нравовъ, образованности и религии. Черезъ это вынужденное взаимодѣйствiе, между закономъ и народомъ, какъ духомъ, государство являеться уже не какъ нечто произвольно сдѣланное и поэтому произвольно измѣннѣе, а какъ нечто необходимое, естественное, само изъ себя развивающееся. Цѣль государства во вѣкъ охраненiя должна быть одна: неуклонное осуществленiе законной свободы. Также какъ эта цѣль всего лучше достигается соединенiемъ народного предствителства съ монархической властью, то конституцiонная монархiя — лучшая форма государства.

Монтезккѣ выходитъ изъ положеній, что существо политическаго государства состоитъ въ правѣ дѣлать все, что позволено, изъ закона. Позови отъ продолжателя: „есть народъ, который въ своемъ положеніи осуществилъ политическую свободу; разсмотримъ же основанія, на которыхъ лежитъ она: если они хороши, то свобода отразится въ нихъ, какъ въ зеркалѣ; если же намъ долго искалъ свободы, если она у насъ найдена?“ Осуществленіе этой свободы — английская конституція. Она изображаетъ се слѣдующимъ образомъ:)

„Въ каждомъ государствѣ есть три рода власти: законодательная, исполнительная и судебная. Политическая свобода въ гражданствѣ есть то спокойствіе духа, которое имѣетъ изъ увѣренности въ своей безопасности. Для этого правительство должно быть такое, чтобы одному гражданину нечего было бояться другого. Если же въ одной и той же особѣ или въ одной и той же корпораціи законодательная власть соединена съ исполнительной, — то граждане будутъ имѣть основаніе бояться, какъ бы властитель, или зная, если не издали гражданскихъ законовъ, чтобы граждански имъ не повѣдать. Этого закона нѣтъ свободы и тогда, когда судебная власть не отдѣлена отъ законодательной и исполнительной. Если она соединена съ законодательной, то власть надъ жизнью и свободой гражданъ будетъ произвольна (arbitraire), ибо судьей дѣлающаго самъ законодатель; въ соединеніи съ исполни-

У въ XI книгѣ „Духа законовъ“.

желной власти судьи свѣдалась бы силой природы и силы...
 Судебного власти не должно быть обложено ни одно по-
 стоянное судилище; она должна исполняться людьми,
 избранными изъ среды самого народа въ известное
 время года и законами предписанными способомъ, — эти
 выборы и образуютъ судилище, которое не должно быть
 созвано долѣе необходимаго срока. Но, если урядники
 не должны быть постоющими, то судьи должны ^{всегда} руко-
 водствоваться разумными законами законовъ. Если бы ^{те} брѣдъ
 основанъ только на личномъ мнѣнии судьи, — то шведъ
 въ обществѣ не будетъ знать, какия люди свѣдываютъ
 себя съ глупыми этого общества. Нужно законъ, чтобы
 судьи принадлежали къ одному сословию съ обвиняе-
 мыми, были ему ^{достоинствомъ} равны, — дабы подсудимому не пришло
 въ голову, что онъ попалъ въ руки людей, которые ходятъ
 быть къ нему несправедливы. Если законодательная
 власть предсѣдательствуетъ исполнительной право архиепо-
 скопъ гражданъ, которые могутъ предсѣвать за себя по
 рѣшкѣ, — то въ болѣе свободномъ... Такъ какъ въ свободномъ
 государствѣ всякій человекъ, почитаемый правосуденъ,
 по свободнымъ, должны управлять сами собою, — то
 и власть законодательную должны имѣть всея народа
 въ совокупности. Но такъ какъ это въ большихъ госу-
 дарствахъ невозможно, да и въ малыхъ то мно-
 гими орудиями несправедливы, то народъ беретъ

своиъ представителей должны дѣлать то, чего не могутъ сами дѣлать. Избираемъ ли мы правомъ пользоваться всею властью за исключеніемъ тѣхъ, которые сходятъ въ законы зависимаго положенія, что не могутъ имѣть воли вполнѣ свободной."

"Представительное собраніе должно быть избрано не за тѣмъ, чтобъ оно клало какую нибудь акцивную резолюцію, — это оно не можетъ хорошо выполнить; — а за тѣмъ, чтобъ издавать новые законы, или чтобъ надзираетъ за до-бросовѣстнымъ исполненіемъ уже преемде изданныхъ. Это оно можетъ выполнить такъ хорошо, какъ не выполнитъ никакая другая магистратура. Въ каждомъ государствѣ есть люди, которые сходятъ выше другихъ по своему рожденію, богатству и сану. Если бы они были перенесены на чужбину, какъ другіе, то общая свобода для нихъ была бы рабскою, и они не имѣли бы никакого интереса защищать ее, поэтому что большая часть резолюцій была бы произведена ими. Такимъ образомъ степень ихъ власти въ законодательствѣ должна быть соразмѣрна съ ихъ положеніемъ. Поэтому они составляютъ своего корпорацию, которая имѣетъ право задерживать предпріянія народа, точно такъ же какъ и народъ имѣетъ право задерживать ихъ предпріянія. Такимъ образомъ законодательная власть будетъ доверена и корпорации благородныхъ и корпорации, избранной для представительствва

народа; эти корпорации будут зависеть каждая особа, так
 как у них совершенно отдельные виды и интересы.
 Исполнительная власть должна находиться в руках
 монарха, потому что эта часть управления, осуществляющая,
 вся всегда в мгновенные действия, может быть гораз-
 до удобнее выполнена одним, чем многими; тогда
 как все, что зависит от законодательной власти, му-
 же исполняется многими, чем одним. Если бы монарх,
 да не было, и исполнительного власти были обложены
 только лишь, избранными из законодательного кор-
 теса, — не было бы и свободы, от власти он бы
 бы в одну. Если бы исполнительная власть не имела пра-
 ва задерживать предприятия законодательного кортеса,
 она стала бы деспотическим; ибо, имея право обложить
 себя всевозможной властью, могла бы уничтожить все
 другие власти. Но не наоборот: законодательная власть
 не может задерживать действия исполнительной, ибо
 исполнительная власть при сама по себе ограничена,
 и кроме того исполнительная власть преследует только
 на предмете мгновенные. Но если, в свободном государ-
 стве, законодательная власть не должна иметь права
 приостанавливать власть исполнительную, она имеет
 право и должна иметь возможное наблюдение за ис-
 полнением посполнительных его законов. Во всяком
 случае законодательное собрание не имеет права су-

дней никого, а стало быть и свободу исполнителя. Эта свобода должна быть священна: ибо она нужна государству за-
тем, чтобы законодательный корпус не стался ни,
франком; с этой минуты, когда исполнителя обвиняли
или осуждали, — государство переживает быть свободным. В
этом случае государство из монархии делается несвобод-
ной республикой. Но как же исполнителю власти
не померещится исполнять свои обязанности, не имея
дурных союзников, которые ненавидят законы, как
министры, хотя и одобряют или как люди, то эти союз-
ники и могут быть судимы и наказаны. Таково основное
положение государства. Законодательный корпус состоит
из двух частей, связанных между собой правом взаим-
ного вето (faculté mutuelle d'empêcher). Обе части связаны
властью исполнительной, которая, с своей стороны, тоже
также связана властью законодательной." 1)

Как мы уже знаем, Мондескэ пробыл — прожил —
в Англии два года. Д'Аламбер замечает, что Англия
была для Мондескэ тем же, что и Крит для
Ликурга. И в самом деле, тогда здесь уранившиеся
неопределенные идеи его молодости. Позже живя
короче с механизмом английской конституции, он
убедился в ней идеальную государственную мудрость,
и пришел к тому заключению, что Англия — свобод-
нейшая страна в мире, исключая республику. Безспорно

1) Перевод — В. Кошмарова. Ср. и, «История всемирной литературы» В. Зорба.

можно сказать, что только такъ зорко не проникли въ сущность аполлиевской концепции, какъ Конфессе.

„Духовность законовъ“ и „Разсудительный о принятии величия и надеждъ Билляновъ“ отъ нанесъ сильнѣйшій ударъ старому порядку во Франціи. Возвращующійся на берега, нѣ одушевляющъ его даже жалъ, гдѣ отъ вдалека въ догматизмъ или уныленно переносятъ изъясненіе безконечно далеко отъ насродичей мануры, на древній востокъ, на острова Тиллало Оксана. Когда отъ дволитръ формы государственнаго устройства на три группы: республику, монархію и деспотическое правленіе, гдѣ вдалека, до какой степени отъ возрешимъ сдѣлать. Мнѣніе французскаго правительсва вырождается въ самый грубый деспотизмъ, и поэтому обрисовывается красными красками восточное самоуправство, какъ первообразъ всякаго произвола. Республиканское устройство многими сторонами привлекало его; но его сочувствіе выдвигали не аристократическія республики въ родѣ Венеціи и Польшы, а идеализованная или городскія общины старой Фрэнции, гдѣ всякъ гражданинъ связывала единодушная солидарность и любовь къ свободѣ. Но республиканское устройство, по его мнѣнію, потерѣ производитъ только въ недолгій срокъ государсва, при отсутствіи общины людей между собою, — и съ полнѣйшимъ сочувствіемъ отъ осуждается лишь на уныленности.

государственной полноты, на монархию ограниченную.
 Милль в Англии, он изучил ее президентия при помо-
 щии Франца Локка и приспособился заставить ее прак-
 тическому или осуществлению. Это дало ему возможность
 с большого расстояния ознакомиться со свойствами
 образцовых порядков вещей, к которым он отно-
 вался или стремился; принципы разделения властей,
 охрана личной свободы, воспитание масса в духе само-
 управления, вероисповедное, гражданское уголовное за-
 конодательство, — все эти понятия для француза, но
 почти неведомые ему принципы раскрывались с
 вышестепенного серьезности и обстоятельности, давшего
 вавшему еще сильное впечатление «Письмо»
 Вольтера.

Возьмем как бы пример Монтескье самую задачу своего
 сочинения. Изучение теловичества, нитерх она вь пред-
 словии, привело меня кь убеждению, что это безконечное
 разнообразие законовъ и нравовъ обусловливается не од-
 ною французскимъ и приходящимъ людей. Я установилъ
 принципы, подь которые сами собою подошли все гас-
 ные случаи, изъ которыхъ какъ бы выскли изорин
 встать наций; Я увидѣлъ, что каждый гасный законъ
 связанъ съ другими законами или зависитъ отъ французскаго,
 болѣе обшлаго. "Законы, говоритъ онъ далѣе, "находясь
 въ известномъ отношеніи къ самой природѣ и принципу

1) Chapitre III troisième.

образа правлений; они создалъ въ связи съ французской об-
становкой страны, съ ея климатомъ, съ характеромъ ея
почвы, съ ея положениемъ и величиною, съ образомъ
жизни народовъ, со степенью установленной свободы,
съ религіей жителей, съ ихъ склонностями, съ ихъ
богачествомъ, съ ихъ численностью, съ ихъ торговлей,
правами и привычками. Сверхъ того, они имѣютъ
взаимныя отношенія между собою; они зависятъ отъ
характера своего происхожденія, отъ цѣли законод-
ства, отъ порядка вещей, при которыхъ они установлены.
Следуетъ подвергнуть разсмотрѣнію закона во всехъ
этихъ отношеніяхъ. Я предпринималъ сдѣлать это
въ насущномъ сочиненіи. Я изучу все эти отноше-
нія, совокупяю ихъ корень и есть то, что называется
духомъ законовъ (*L'esprit des lois*). Такая широкая
и оригинальная задача монтезкѣ.

Какъ видно, планъ великаго сочиненія монтезкѣ
соединяетъ въ себѣ, что въ разсмотрѣніи законодательства
народовъ въ его зависимости отъ прочихъ сторонъ
общественнаго быта и опредѣляетъ законъ образомъ
взаимныхъ отношеній различныхъ элементовъ госу-
дарственной жизни. Законы были показаны въ
связи съ образомъ правленія, климатомъ, религіей,
торговлей, численностью народонаселенія; авторъ за-
дался цѣлью изучить ихъ отношенія къ основамъ,

другими словами — объявить самъя условия иль существо, ваян, иль смысл, иль значение, иль духъ. Никто изъ изслѣдователей до Монтезескѣ не относился такъ серьезно къ управленію иль общесуветенной жизни и не проводило такъ насройливо мысл о необходимости изурить эти управленія въ иль взаимныя свѣзды, скрещиваніи, иль и переобвазды. Поэтому-то трудъ Монтезескѣ привлекъ особенное вниманіе, но влѣсть съ зѣль никогда еще не подвѣлялось книги съ меньшей орпатической свѣздой. Зѣль объясняетъ зрудность, исповзавшая при змелатіи сосваивъ общее понязіе о „Духѣ законовъ“. Этого книжного почти невозможно овладѣть; она подвергается насъ опас, поези задержѣться, влѣсть за авзоромъ, въ подробностей.

Существовать только однимъ способомъ и раздѣ.. ться задачу: надо — какъ это Лансонъ дѣлаетъ — раздѣ.. ться фиксированное единство сочиненія, передѣлать въ образ, моды направленіи работу Монтезескѣ и разсмазривать поочередно различные направленія и послѣдовательные періоды его чужеземной дѣятельности, по иль зѣль этого какъ они продвѣляются въ „Духѣ законовъ“.

Представилъ себя Шарль Луи Секонда де-ла-Брѣвъ въ 1716 году, въ зѣль моментъ, когда его дѣдъ, баронъ Монтезескѣ, передаетъ ему, влѣсть съ своими иль иль, должность президента Бордосскаго парламента.

Преобладающие оцы-проповѣдники (Oratoriens).

обучавшие его в Мюнхене, показали ему дозу бога ^и несогласия
 праведной энергии, который не издался во все продол-
 жение греческой и римской истории; великий умственный
 труд произведения и приемы геронима в полуживотной
 жизни поразил воображение молодого гасконца, из-
 черченной здравый смысл козорого особенно чужды
 чужды практическое и миру, всегда продвигавшуюся
 далее в самых изумительных дьявольских древности.
 Это естественная чуждая завязка, но выходящая из сеницы,
 рин, украсили его в его призрачном к древней и в
 особенное к римской истории; будущи почти равно,
 думались к искусству, они увлекаются изучением
 нравов, характеров и дьявольских, з.е. историей. Антик,
 как форма, которая ему нравится и которой он не пера,
 есть подражание, это — за форма, в которой выражается
 характер древности с ее восточной, простотой и воз-
 вышенными настроением, образившимся в привиле-
 жу. Монетские этого периода почти все незаметно
 в духе законов: они все высказался в нескольких
 небольших сочинениях и заглавие в своем, Радури,
 донести о великом и чуждом Ринланде.

Взгляд молодого судьи заглавие извездная доза
 гудветности, переметней, при современности ему
 нравов, в интеллектуальности скадрезности. Давши
 себя полную волю в восточных счетах, Персидских

писемъ, монжескѣ осознались подъ вліяніемъ возраста, важности своего сана и заботы о своей репутации. Но у него навсегда сохранилось присущее къ серьезности и щедрости разсудительности о ^{справедливости} ~~справедливости~~ предметахъ. Въ это время подобныя вещи привлекали чужаковъ. Кроме того, въ монжескѣ были блестящіе разсказчики, шепотливый своимъ осужденіемъ и не смелавшій произнести въ обществѣ ни одного словечка, въ разговорѣ не заключающаго бы или осужденія, или глубокомыслия. Такимъ образомъ привилегія высшихъ эмпириками или сенсациями перешла у него во владѣніе мажору. Отсюда — зорь несправедливости, чередующаяся разукрашенной сдѣлкой, порицавшійся Бюффе, Фоконъ; отсюда эти изысканныя сравненія, эти неопытные данскія осужденія, заславившія А-те-де-Дефоромъ сказать, что „Духъ законовъ“ (l'Esprit des Loix) монжескѣ создалъ изъ осужденія надъ законами (de l'esprit sur les Loix). Это также было припоминаніемъ для болшинства придворныхъ и меншинъ.

Оуправляя въ зрелые годы судьбу обзаванова сдѣлки, у монжескѣ возникла первая мысль объ изслѣдованіи, вниканіи, заглядываніи добруго часа его жизни и придав, тить окончательное направленіе его уму. Монжескѣ навсегда остался юристомъ; весь его историческій идеалъ, политическія взгляды и философскія помыслы облекаются въ юридическія формы. „Духъ законовъ“ заканчивается

ндрасю книгами, представляющими чисто специальное
уённое юридическое сочинение; оно содержит, какъ гово-
рять заглавие, нръ „новыя изслѣдованія о римскихъ
законахъ, касающихся права наследованія, о франк.,
иуцскихъ законахъ и о феодалныхъ законахъ“ и пред-
ставляетъ собой какъ бы отрывокъ и начало отдѣльнаго
сочиненія объ историческомъ французскомъ законодатель-
ствѣ. „Здѣсь мы совершенно держимъ нръ вида политиче-
скую и философскую точку зрѣнія и имѣемъ передъ
собой точку профессора права“.

Въ 1716-омъ и слѣдующихъ годахъ Локкескѣ подда-
ется увлеченію физическими и естественными науками.
Онъ соодичилъ Бордоской Академіи наукъ и изданныхъ
искусствъ свои изслѣдованія о причинахъ зла и объ от-
правленіи почтеннаго ^{Монтань Дидро} телеса. Въ это время его умъ
находился подъ безусловнымъ господствомъ духа и при-
циповъ естественныхъ наукъ и его социологической
механикѣ предшествовалъ своего рода натуралистиче-
скій дефрминизмъ. Его „Размышленія о политикѣ“
написаны съ правочувствительной ицалью и обнаружи-
ваютъ зачатки образцовъ молодого абзора. Теорія, раз-
вѣдая въ этой молодичной сраженкѣ, охватывала свои слѣ-
да въ „Духѣ законовъ“.

Къ тому же времени относятся и интересныя Философскія
о причинахъ, могущихъ оказывать вліяніе на умы и

характера? Монзесксі измодуєть въ немъ условія, кождо, рѣши опредѣляюща температурныя индивидуальности и народы. Онъ съ замѣчательного проникательностию и оригинальностию изданавливаетъ двѣ среды, давлѣніе кождо, рѣшь, дѣйствуй иногда въ одноль и толь же, но гаче въ прозвѣтоположенныль направленійль, вызываєть настрѣ, енід, меланія и поспунки: одна среда — моральная; это — воспитаніе, обществѣ, профессій; другая среда — физическая, въ которой Монзесксі признаєть главныль факторъ, рѣшь климатъ. Климатъ можеъ вліяєть на душу зочко въ законъ слухать, если отъ дѣйствуйєть предвариєтєльнѣ на зчєло и если зчєло передаєть вєтє зчє вліянія, думь; слѣдовательнѣ теорія климатѣвъ предпологаєть необход, думьє связь между физическими и нравственными факторами и сфєричьєй подчинитєль гисчєно психологичєскє классическєхъ исслєдєлєй физиологій. Изнач, нѣко, формъ изъ мыслєй Монзесксі указываєть совершенно новєє пѣри лиєратурѣ. Онъ вноєть въ нее, вѣтєсто анализа явлєній дѣха, изучєніє температурѣвъ; онъ сраблєть на нѣкоє дѣшевныль сраєрєй нервѣ и погружаєть индивидуальнѣ въ среду, какъ или ичєє формирующєю его. ✕

Теорія климатѣвъ, формулированная Френеллемъ и Френеллономъ, захлѣль вновѣ разрабѣтєнная и расшѣ, рєннад аббатѣмъ Дюбо (Dubois), приобрѣтаєть въ рукахъ

Мондеевскіе замѣчательнѣею полнозвучіе, опредѣленности и вѣрности. Но она перешла въ „Духъ законовъ“ уже въ искаженности, съущности, почти извращенности видѣ, — какъ какъ Мондеевскіе, видѣнныи всѣ посредству, ющія, живые и реальныя факторы, желованія, его душу и тело, устанавливаетъ между неловческими закона, ми и естественными принимали прѣдѣлу и нѣкого, рыви образы искусственно связъ. Однако эта теорія имѣла столько вынужденной силы, что, даже будучи вѣдана, она довольно искусственно образы и въ очень упрѣзанности видѣ, она создала одну изъ наиболѣе същественныхъ частей „Духа законовъ“. Въ самомъ дѣлѣ, она была болѣе чѣмъ впереди въ вопросе о рации, она болѣе объясненіи историческихъ факторовъ; она озсуждала гипотезы о сказочныхъ законодателяхъ или о божественномъ вѣнчанствѣ и начала усматривать въ хаосѣ неловческихъ учрежденій и въ пута, ннцѣ социальныхъ движеній первый дезерминантъ естественныхъ наукъ. Такимъ образомъ теорія имѣла, зовѣ являея еще однимъ резульзатомъ замѣдлѣнн мондеевскіе естественныи науки.

Но уже въ „Перидическихъ письмахъ“ замѣтно, что она отразилась въ изученіи правительствъ и учреждений. Прѣдѣлнми въ Парижѣ, она не только блнздала замѣчательныи чинами въ салонахъ М-те де-Ландеръ и М-те

де-Ттенсэнь, но постигала также и Клеве в Андресолье (Le Club de l'Entresol), — на то уже извещенный газетной кружкой, занимавшийся полужизнскими науками и навлекший на себя в конце-концов подозрения кардинала Фрлери. Он приходил к руда пизаро свой Диалог между Судной и Евкратомъ, из которого видно, что, с одной стороны, полужизненный философ освободился в Мокрескё отъ моралиста-психолога, какими его считали книги и школьное воспитание, — и что, с другой стороны, в лице его уже выразился видный мыслитель, с широким взглядом, давшим, впрочем, нового полужизненного направления, создавшего эпоху в истории. Никто сомневая, что в это время, но время изматывает его зоркая зрелища. Он начинает верить в действительность индивидуального бытия, сущности человека в ходе исторических событий. Он наконец-то верит в это, что в 1728 г. просит о зачислении его в дипломатия, — что без сомнения означало, что он надеялся на возмозможность управлять безконечного извещенного естественности причинами и следствиями. Он уже знает к этому времени, что искусственный президент также действителен, как и естественная комбинация, и что хорошо придуманный закон может основать или разрушить фактически исторический последствие. Словами, он приходит к тому, что составляет сущность — и либеру — «Духа законов».

Какое второе и в то же время широкое оправдание Мондескэ дается закону? Законы суть необходимые соотношения, вытекающие из природы вещей. Такими образом законы данного народа не являются логическими выводами из того разума или произвольными установлениями законодателя; это результаты влияния физических, метеорологических, общесредственных и исторических условий. Отсюда — безконечное разнообразие и хаотическая произвольность законов различных вьков и различных народов. У всякого народа — свои соответствующие ему законы. Все это возмещение относится к тому периоду увлечения естественными науками. Но уже в начале второй книги редакций сочинения переходит в руки социолога-доктринера.

Обширная обширная взглядом всемирную историю, она сводит все формы правления к трем: республике, монархии и деспотизму. Каждой форме правления соответствует свои принципы, которых она придерживается до тех пор, пока поддерживается самим принципом: принцип республике — добродетель; принцип монархии — честь; принцип деспотизма — страх. Поэтому Мондескэ показывает, какими образом все отдельные законы приспособляются к основному принципу государственного строя...

Не следуют впрочем думать, чтобы среди вещей бы...

Французская теория литературы XVIII в.

кладок кондензиционной механики не вызвала раскола на сцену естественствозаема. Возьмем, напр., пре, восходное рождение английской кондензиции (в XI книге): монтерские объявляли ее — как мы видели — цылисомь действительных физических и исторических причинь. Однако во общемь плань сомнения преобладають догматизмь популярнаго доктрина, сделавшаго связь между харриями. Монтерские, вспоминаясь иногда о физическомь принципе, повидимому, находивъ въ полномь невѣдомии зого, что материалъ, надъ которымь работаютъ законодатели, з.е. живое теловичество, содержитъ въ себѣ, цылисомь сохранивъ безконечную энергию, что оно предрекаетъ не только простое поле бытия, осматриваемое закономь и природы, но само можетъ въ каждую данную минуту перейти чрезъ споръ своиши содействительны силы, своиши внутренними стремлениями, и что въ конце концовъ зого оно одно и можетъ отдать дань, какъ законь поущесветительный или безсмысленный. Для монтерскихъ законь, взырай само по себѣ, не предрекаетъ никакой формы; для него, это — принципъ, который, будучи помноженъ въ известномь мѣстѣ, производитъ зогъ рождь и зогъ коническое работъ, которые сзроизель теламь по, учить зогъ нед. Онъ обращаетъ человека въ нечто абсолютное и обращаетъ его ниль, какъ съ истерической и пассивной материей, — такъ что въ его предрешении

Хорошо обдуманная система законов должна неизбежно привести какой-нибудь народ и, как сказано, пошито его добровольно унаследовать, к максимуму могущества и благоденствия... Это придает его сочинению характер абстрактной системы, не опирающейся ни на какую живую действительность.

Он пользуется экспериментальным методом для доказательства своих предвзятых идей и обобщает — с предвзятого сличения — все явления, которые встречаются на пути его исследований. Он обладает большими сведениями: он много читал и путешествовал. Все народы, от древних Греков и до современных Швейцарцев, от Китайских мудрецов и до самых грубых дикарей, доставляют ему материал для его исследований. Но в его способе собирания сведений обнаруживаются два недостатка: как же можно в «Разсуждениях о величии и упадку Римлян», отнестись критически к своим первоисточникам, и все напечатанное читать в его глазах одинаково ценно: записать он ставит все явления на одну и ту же доску и не проводит никакого различия, в своих разсуждениях, между обычаями острова Торнео и английскими законами, между Бернскими уставами и римскими учреждениями. Он признает все отдельные частные случаи эквивалентными и

многими одинаковое значение.

Чтобы познать сущность республиканского права, взгляда, оно изучило Рим и греческий города; перед его глазами находились швейцарские кантоны, Венеция и Пауза. Завоевание мира погубило римскую республику, и воле Монтезке дала вид, что республиканская форма правления не совмещена с обширностью территории. Оно не подозревает о возможности демократического правления при грядущей истре или шестидесяти мил. лионах жителей, напр. в германской Франции или Америке.

Чтобы определить деспотизм, он берет Турцию, относительно которой в его распоряжении находились больше или меньше полные и зогные рассказы путешественников. Самыми выдающимися германскими гуречкой общественной жизни являлись сералы и палатные удары, и воле Монтезке признает, что ^{голландская} общественная жизнь может быть определена деспотизма. Т. Лансон говорит: "Так как Монтезке не только слышал изречь Россию, но ему не приходило в голову, что принцип деспотизма может быть, и даже с большей логикой, признама любви, зависти, где зреть деспотизм являлся формой правления, по сути, свой своему, покровительственной и патриархальной, прозрительной разрозненной семьи."

"Монтезке, владычество неограниченного примитива нагрой индукции, слышат себя во праве двлаух обод."

щения на основании одного наблюдаемого факта; отсюда
 получается то, что это выводится в формулу своего за-
 коноведения какого рода случайная и массовая явления.
 Это лучше стало бы, если бы представляло каждое свое
 наблюдение в его особом, частном значении и относил
 бы то, что он знает о Турции, только к одной Турции,
 и то, что он знает о Риме, только к одному Риму.
 Но он хотел во что бы то ни стало обнаружить общие за-
 конности и факты. „Мондескье“, говорит Сорель, „изображает
 республику и монархию, так же как Монтер изобра-
 зил „Скупого“ и „Мизантропа““.

Это касается религии, то Мондескье восторженно рас-
 кланивался перед кризисом ее. Он не упоминал
 ни одним словом о Евреях, и зорь избранный Богом
 народ с своими скрижалями занимал меньше
 места в его соображениях, нежели американские или
 австралийские дикари. Объездившая его говорила с
 обдуманной осознанностью в неопределяемых
 и уклончивых тонах. Наконец религия — великая ре-
 лигия — открыто высказывает в его глазах в качестве
 особого политического колеса, создававшего и приво-
 дящего в движение законодательство вместе со всеми
 другими колесами государственной машины.
 Мондескье был абсолютно недобрым религиозному
 чувству; отсюда — глубокая искренность, с которой он

высказывался против религиозных преследований и само, видел защитником восторженности. Вспомните этого на его книгу напали одновременно и иезуиты и гезуиты...

Конечно, в наше время, очень многие выводы мон. жеские еще принципы даже не могут; с этой поре общезн., венная наука ушла далеко вперед. Статьи же меня мы должны читать общий план всего сочинения, руководя, цую мысль, основную идею писателя, которая в прошлом (XIX) столетии получила полное признание и всеобщее, нее применение в новейшей исторической науке: Ивле. ния общезн. жизни подлинная изучается в ихъ вза. мныхъ свдѣнъ и отношеній.

Прелюдия предиде всего прикладно цела, монжескѣ обдвляла государственную политику (свою книгу) широкого рамного мировой истории; опередив свой выск, отъ сра, рался раскрыть въ ней законоп. ное, зависящее отъ основныхъ нравственныхъ или физическихъ условий, опре, дѣляющихъ характеръ народовъ, складъ ихъ быта, ихъ историческое призваніе, —, отъ климата, религии, законо, дательства, руководящихъ политическихъ принциповъ, отъовъ прошлого, нравовъ и обычаевъ. Грандная эрджидя давала ему на каждомъ шагѣ много доказательствъ, приморовъ, сравненій; изливый умъ вовлекалъ въ обд., ценія, иногда предидевременная, но порою необузданной

На балкане
 патристик удачно проникает в разн. области, козорад
 почему либо были в пренебрежении у современной
 науки, и извлекает из них важные данные. Также
 отъ бросилъ лучъ свѣта въ мнимую зѣну среднихъ вѣ-
 ковъ и высказалъ нѣскольکو востановител. замечаний о фео-
 дализмѣ. Паскривая займы искусства законодателя, на,
 стойчиво высунувъ прозвѣ современинѣхъ нецзурносѣхъ,¹⁾
 прочно устанавливая основы простириженнаго движенія,
 вводи въ кругъ заботъ политика вопросы народнаго хо-
 здствѣа, монзескѣ исполнили для своего времени важ-
 ное и плодотворное дело. Въ отношеніи народнаго
 хозяйства монзескѣ снзавоужъ предмезвенникотъ Ада-
 ма Смижа.

Какъ бы то ни было, возвращаясь къ общему плану
 сочиненія, къ руководящей мысли автора, нурико при-
 знаю ея вторноствъ и глубину. Приложенія къ ея гасѣ-
 поедлѣнѣ, ея развизіа — для насъ, въ глазахъ позднѣй-
 шей науки, оказываеся недоезагогнѣнѣ, но ея суть,
 общая задача всего труда, общая точка зрѣнія автора
 заслуживаея полного признанія. Въ этомъ свѣсилѣ
 „Духъ законовъ“ — первый опыужъ научной социологій. Мон-
 зескѣ сзараея привесри историческія явленія въ зави-
 снѣносѣ, обьелениужъ условія нѣхъ существованія, изучаю-
 нѣхъ повоу. Озелода великое значеніе „Духа законовъ“
 для философіи исторій. Полное заглавіе этого сочиненія:

1) Онъ обьелениужъ, напр., регалии, налоги на солг, lettres de cachet и т. д.

О духѣ законовъ или о соотношеніи, въ козороны должны находиться законы съ цезройсвоими каждаго правительсва, съ правами, клятвами, религіей, торговлей, и пр. „*Volens sine matre creatam!*“ (Рожденіе безъ матери.) гласилъ гордый девицъ сочиненій, указывая на оригинальность его. Но лучше всего оцѣнили Вольтеръ значеніе этого зрѣда, выразивъ его содержаніе въразцѣ: „Тодъ челоѣческій похрѣтъ свое основаніе своего права; Мондескье нашель его и оудаль ему“.

При появленіи своемъ въ свѣтъ „Духъ законовъ“ надѣ, малъ много шума. Въ первые полтора года книга имѣла 22 изданій, ее можно было найти у всѣхъ ученыхъ, и, гераторовъ, свѣдскихъ дакъ и перичеуровъ. Она сразу овла, дѣла чинами и немало способствовала направлѣнью со, средохочилъ вниманіе публики на вопросахъ государствен, ности. Дѣйствительно, около 1750 года задачи общесвѣн, нѣя начинають сильно возбуждать интересъ француз, скихъ образованныхъ классовъ. Новая философія проти, клеъ въ область политики, начинаеть переборонъ въ политическѣхъ воззрѣніяхъ общесва.

Съ появленіемъ „Перидскихъ писемъ“ (*Lettres persanes*) обездвѣдсва во Франціи законъ члудились, что Мон, дескье принудительнъ былъ издавъ своего новую книгу („Духъ законовъ“) въ Женевѣ. „Духъ законовъ“ произвелъ еще болѣшую сенсацию, чѣмъ „Перидскія письма“: въ

1) *Petitmaître, métron, baronne, françois, françoise* и т. п.

2) въ Швейцаріи

Мессрм его сейлаеь запрезили. Почеждовали много,
 численнаа нападенія со стороны прозавниковъ, и Мон-
 зекскіе озвочали „Défense“ (Защитой Духа Законовъ, 1750г.),
 опровергая гредѣннїа искаженія своихъ мыслей. Духъ
 Законовъ обесудался въ Сорбоннѣ, биль предзавлена
 на собраніе Духовенства и включена въ число книгъ,
 подвергнувшихся папскому запреценію. Цензура за-
 презила продажу згоа сочиненія, но Малэрдъ снялъ
 зго запреценіе, когда принялъ управленіе Директора,
 пензоль книжной торговли. Но и друзья Монзекскіе
 качали голову надъ смѣлою мысли и языкомъ згоа
 сочиненія; было еще 50 лѣтъ до начала революціи,
 основнаа мысль козрой здегъ въ первый разъ выра-
 зилась сухо, но зталъ не менѣе красноречиво. Возро-
 жали козломъ сдѣлазся съ злимъ громадиномъ зрѣломъ,
 называа его ради его озриваеь, мало соединенной,
 фрази въ шутку: „de l'esprit sans les lois“. Но вливіе-
 двѣзвіе згоа сочиненія было громадно: все либераль-
 ное политическое воззрѣнїе и суремленія, распрозра-
 нившіеся во Франціи съ 1743 года, распрозраняются,
 благодаря голккю-миллуркю Монзекскіе.

Шредъ Монзекскіе млтвезъ, кромокъ чисто научнаго,
 еще другое значеніе — значеніе практическое, поли-
 тическое. Салъ Монзекскіе практическомъ не биль, не
 задавалъ цѣлѣмъ широкимъ общезвѣстнымъ преобра-

зобаний, не разгизывалъ на устышисоеръ какихъ-нибудь
коренныхъ измнененій въ общесуветномъ бытѣ и сверль
зого всячески избогалъ безпокойной полемикки или риско,
ваннахъ нападеній. Кроме зого, сочиненіе его было на,
сройско умьреннмо по своей формѣ, что не вызвало осоден,
ныхъ бурь. Ему удалось по крайней мьрѣ изолировавъ
геологовъ и обезопаситъ за собой нейтрализиръ монархиче,
ской власти, хотя въ уреніи о духѣ законовъ было много
закого, что могло серьезно обезпокоитъ власти. Располо,
женіе публики было на его стороне. „Духъ законовъ“ въ
зогомъ отвогалъ умьренимыя запроеамъ зого времени.
Это произведеіе дымало разумной и челоковомоесто. Серб.
езный, умьренимой и сильной голосъ подблгалъ въ келье
злоупотребленія французской монархії и видендиль за,
дали цивилизаціи; онъ рисовалъ идеаль либеральнаго
и благодушеннаго правителствва, предохранявшійся вполнѣ
осущесзвилывиль; прозесуъ прозивъ ауто-да-фе и рабства
негровъ, онъ удовлетвордлмъ чужезву общаго негодованія.
Мзисканно-взмилывій зонтъ и блесззщее охрощеніе, козо,
ролки озлигалое все сочиненіе, не ознимали у него его сила.

Когда ему случалое высказываъ свои личная помыли,
теския меланія, онъ насраивалъ на своей преданноеи
сущесзвующихъ порядкахъ и на своемъ вседлительнѣ
повиновеніи гоеносебзующему режиму. Сочиненіе его
проникнухо непріязненнмыя отношеніемъ къ намъ,

существенных переборок и общесущественных познаний, отъ готовъ даже прикираться со всевозможными злобою, упрямствами, имъ бы изобрести рожкой, рожнической пересадки общесущественныхъ отношений. Бранны изъ на, разрабовъ, Духа законовъ носило заглавие: „Не трудно всего исправлять“; Этого параграфъ имъ же въ прямое орно, меня въ франции и начинаея словами: „ицъ ора, въдъ насъ факти, какими бы теперь, сама природа все исправляеъ“ и т.д. Можно привесть много другихъ мнень, изъ которыхъ видно, какъ мало склонено было Монтескье къ радикальнымъ измѣнениямъ и рожническимъ мнень. Государственный порядокъ былъ для него всегда на первомъ планѣ: „Въ удивленъ въ томъ, что издичеъ, крайнее не всегда желательны даже въ са, мнень разумъ и что люди почти всегда лучше лады съ середками, чмъ съ крайностями!“¹⁾ Монтескье всегда былъ далекъ отъ революціоннаго фанатизма...

Но, если у Монтескье не было никакихъ широкихъ преобразовательныхъ плановъ, если онъ не занимался никакими социальными построениями, то у него все-таки были политическія симпатіи и антипатіи. Антипатіи его были производны, и онъ^{на} старался изобразить самыми мрачными красками возростный деспотизмъ, именно, какъ царство произвола. Это симпатіи при надлежали Англии. Нѣкоторый споротъ англійскаго

¹⁾ Esprit des Lois IX, 6.

управлений пришло к нему особенно по душе. Априорно английской конституции, выведенной Монтескье, получили во Франции громадную популярность и сделалась образцовою, по которой стали кроить свои политические идеалы многие образованные люди того времени. Английская конституция, во изображении Монтескье, пришло к душе целого, ему общезвестному классу того времени — образованной бюрократии и землевладельческой, средней буржуазии: XI книга „Духа законов“ — английская конституция — охватила на своем пути и надежды этого класса, взорнула его мечтания, и сделала его политически кодексом.

Во дальнейшее развитие событий XVIII века, Монтескье, победителю, держалось поспе; другие опережали его и замыслили его голову. Однако, когда в 1789 г. созваны были генеральные штаты, образовавшиеся в законодательное собрание, целая фракция этого собрания держалась больше или меньше учения Монтескье и стремилась приблизиться к французской английской политической форме; учение Монтескье было первое подвергнуто практическому опыту, и „Дух законов“ раньше „Общественного Договора“ (Contrat Social) Руссо послужило моделью новой Франции. Этого первый опыт был крахом и неудачен; но за то Монтескье был вознагражден в пролетарском отъ 1815 до 1848 г. Французская парламентарная монархия была осуществлена. Это его учения о зреть власти, и если бы Монтескье

1) Влияние его, — хотя конечно чрезвычайно поверхностное, — коснулось и нашего русского законодательства. Во знаменитом „Наказе“ вкратце цитируя слово за слово переведены из „Духа законов“. — Напр., Наказ, II, §§ 59, 60. — И так же много.

могъ снова двинуться на своръ, онъ сказалъ бы, что пришло, величество козорныхъ конституционал нашихъ оба раза лопалась, заклопались въ неправительственныя учреждения ея зубчатыхъ колёсъ и въ грубомъ нарушении равновѣсья ея действовавшихъ силъ. Весь послѣдующий конституци парламентарной организаци основывалась на существовавшихъ принципахъ его доктрины. Къ его учению вернулись либералы и доктринеры времени реставраци: июльская монархія и конституци 1830 года были ^{только} сколько съ доктрины мондескѣ, сколько, разумеется, приложенны къ измѣнившимся порядкамъ.

Хотя и досель не только французскій, но и европѣйскій либерализмъ взиралъ на мондескѣ, какъ на своего старейшаго наставника и съ благоговѣниемъ относился къ его учению, но все-таки въ послѣднее время ринутая доктрина мондескѣ клонится къ упадку, — или, лучше сказать, слава его оседаетъ, но онъ переседаетъ буръ ученикъ. Въ политическомъ отношеніи, современная демократія все больше и больше освобождается отъ его рамокъ и формъ, видя въ немъ только георетика прошлыхъ временъ... А такъ современный реализмъ не можетъ не досадовать на мондескѣ, какъ на главнаго виновника и зворца столь иллюзій, козорными увлекались все сочинители конституци, думавшіе пересоздать миръ съ новою силой сраженія закона."

своему соотечественнику Монтему. Утвердившись на из-
 бретенной идее, он задался одним скачком переходить
 к следующей мысли, не сохраняя никакой точки
 соприкосновения с первой идеей. Его мышление пред-
 ставляется не в виде одного непрерывного акта, а в
 виде ряда отдельных усилий, из которых каждое
 начинается и оканчивается между двумя моментами
 прерыва. Отсюда — эта несвязность соображений, его край-
 няя раздробленность, приводящая к крайней запутан-
 ности; отсюда — это разделение его на множество про-
 извольно расположенных книг... Никогда еще
 не появлялось книги с меньшей органической связью.

Этот недостаток порядка в изложении служит
 явным признаком отсуствия единства во замысле. Мон-
 темери обладал движением ^{умом} постоянно направленным
 что-нибудь, а следовательно расширявшимся и обога-
 щавшимся, но в то же время и изгибавшимся, от-
 кривавшимся новыми точками зрения, ориентировавшимся
 во другом направлении. Его интеллектуальная жизнь
 обнимала несколько различных периодов; каждый из
 этих периодов оставил свой след на „душе зако-
 нов“; крайне разнородная мысль, принадлежащая
 к несогласным между собой умственным настроям,
 этилов, являлась как бы отдельными слоями,
 то наложенными одним на другой, то перекрывающимися

и перемешивающимися другъ съ другомъ. Надо сказать, что Монтезкэ - великий мыслитель, но - не великий художникъ; но у него мало способности къ изящному изображенію и художественному звукописью.

Это - какъ бытъ
менъ гаситъ у ч.
геніаль-авторства
де делайте, знаніе
у него есть, но
н-ль сподобно
есть къ изящно-
му изображенію
и художественно-
му звукописью;
тобы создала
хорошую книгу
надо бытъ до
важной ересе
ни и познать

Тридцать лѣтъ обдумывалъ онъ „Духъ законовъ“, ясная дѣль въ немъ определенное, догматическое изло- жение руководящихъ идей, обуславливающихъ возроди- тельное обидебъ; съ большимъ умениемъ черпалъ онъ въ разнородныхъ источникахъ, всегда искусно открывая то, что ему было пригодно; призывалъ на помощь ересебъ, знаніе, право, медицину, географию, пользовался вся- кимъ любопытнымъ показаніемъ, когдъ бы оно необходимо оубъ случайнаго самоиннаго поствидель, или зие (какъ это было, напр., послеъ возвращенія съ Ямаломъ) возбудившимъ интереснымъ разговоромъ, просилъ позволенія у собеседника подробнаго изложенія его взглядовъ на мысль. Такимъ образомъ создавалась сложная и разнообразная картина жизни человекаебъ, и зепаръ поразительная богатствомъ содержаида. Политическіе теоретикъ XVI вѣка, конечно, превосходили Монтезкэ широтой взглядовъ, отчасти даже знаніями. Но зорь великий подъемъ мысли бытъ несправедливо забавъ, и пробудившееся политическое сознаніе массъ ниспролагаетъ снова въ крайности и науч- ную руководебъ. Сначала многои идей, ^{Монтезкэ} возвращены бытъ, ли съ удивленіемъ и насмѣшками; много неуклюжаго

Танглинскимъ философомъ

осуждения позрительно было, напр., для последних доказательств, баснои авторомъ ебди клинажа сураны съ ея учрежде- ниями, а на сцену явилась комедия „Восемь суранъ, събужающихъ философовъ“, гдѣ выведены были наряду съ Волбугаромъ и Конзескѣ.

Внезапннѣе книги повелуду было смѣльное. Родкнй талантъ популяризатора приохотился самими равнодуш- ными изгачелѣи къ размышленнѣ о вопросахъ законо- дагельства и полнзнкн, порою сарказмическнй, порою дер- сманный и возвышеннѣй, всегда разнообразнѣй зонтъ изложеннѣ гдѣхъвованѣ прнблнкательно. Многие, правда, малодумнѣ — какъ мы уже смншамн, — что это — собрание осужровъ ѳ законнѣхъ (de l'esprit sur les lois), но, скрнзюе подѣ легкой оболѣчкѣ, серьезное содержание все-таки превозмогло это нерасположеннѣ, и вскорѣ все, что было развитого въ Европѣ, научилое виднѣе въ книжкѣ Конзескѣ сокровнщнщнцу полнзнкеской мудрѣеи. Тра- внхемъ въ демонстратнвннѣ увлеченнѣмъ высказыва- нн себѣ уреникамн авторѣ, которнй въ однонѣ газетномъ письмѣ прнзнавалъ необходнмнѣ, для обезпеченнѣ всѣмъ кулка кнѣда, здравѣеи мысли и насущнѣмн добродѣтелѣи уснленно просвѣщавѣ и народн, и пра- внѣеиства, и смншалъ это „обязанноего философовѣ“. — Повзорнѣо, „Духомъ законѣи“ и „Размышленнѣмн о прнчн- нахъ величнѣ и паденнѣ Рнмлянѣ“ Конзескѣ нанесѣ

сильной ударь старому порядку.

Монтескис (стихотворъ) первый из публицистов (le premier des publicistes); но удивительно, что Вольтер приписывает Монтескису к писателям XVII столетия (range Montesquieu parmi les écrivains du XVIIe siècle), между тем он почти 5 летъ старше Вольтера. Конечно, почему Вольтер это сделалъ (pourquoi Voltaire a cru devoir ranger Montesquieu parmi les écrivains qui forment le cortège des Louis XIV.), почему он думалъ, что он долженъ Монтескису похвалить между писателями, создавшими свизу Людовика XIV? Претендовалъ ли он самъ на званъ божь инициатора XVIII вѣка (Prétendait-il se réserver à lui-même l'honneur d'inaugurer le XVIIIe siècle?) срамъ, ваешь Понс Амберъ.

Сентъ-Симонъ (1675—1755).

Saint Simon. — Терзонъ Сентъ-Симонъ, зюжь со, современникъ Монтескиса и „заповѣдникъ деловъ“ — какъ некогорые словесники его называютъ — явлелся однимъ изъ наиболее поразительныхъ произворатий XVIII вѣка. Родившис въ 1675 г. изъ огеи старого оуца, который былъ обязанъ своимъ состояниемъ и своимъ зидуломъ Людовикю XIII, Сентъ-Симонъ выросъ вдали отъ двора Людовика XIV, окруженный воспоминаниями о промломъ царзвованіи среди людей, проникнувшихъ зрозательного преданностию къ покойному королю,

„королю испанскому“, — подъ которой тайлае гну,
 хад перидант къ „королю португальскому“. Въ семнадцатомъ
 году онъ былъ кунингеромъ (тоисметаче gris),
 полкомъ кавалерійскимъ полковникомъ и вышелъ
 въ отставку въ 1702 г., обремененный долгами, что его не
 произвели въ бригады. Король, болѣе чѣмъ когда-
 либо изыскавшійся въ это время въ офицерахъ и
 не любившій людей, закъ рѣшительно задерживалъ
 о своихъ правахъ, никогда не просилъ ему, что
 онъ покинулъ армию. Сень-Симонъ еще задолго
 до того задумалъ сдѣлаться изорникомъ своего време-
 ни. Находясь въ арміи и при дворѣ, онъ съ любо-
 пытствомъ собиралъ обо всемъ самую подробную
 свѣдѣнія. Онъ сражался безъ выгоды самъ или въ,
 слушавъ рассказы очевидцевъ и заинтересовавшихъ
 его событій. Онъ съ значительною и неутомимостью
 судебного слѣдователя неустанно расширявалъ
 знанія, министровъ, генераловъ, придворныхъ,
 дипломатовъ, врачей и даже лакеевъ и изъ каждаго
 изъ нихъ извлекалъ какое-нибудь свѣдѣніе о на-
 сѣдствіи или прошествіи. Онъ отшучивалъ ихъ,
 зорко выискивалъ изъ нихъ все возможное. На,
 кинъ образомъ у него накопились обильные ма-
 риала.

Очень характерно для общесвѣтской организаціи

того времени до обнародования, что зорь человек,
 не пользовавшийся расположением короля и сам
 не любивший его, находился при нем болше пур.
 надцари муръ, не думая покидать дворъ и не под-
 вергаясь опасности быть удаленнымъ отъ него, —
 ибо онъ былъ герцогъ и перъ, и его мнѣно было при
 дворѣ. Даше послѣ своего красноречиваго и рязкаго
 анонимнаго письма Людовику XIV, когда все подозръ.
 вали, а король былъ убѣжденъ въ думѣ, что письмо
 было написано Сень-Симонамъ, послѣдній все-таки
 остался при дворѣ. Онъ принадлежалъ къ партии гер-
 цога Бургонскаго и мочъ возлагалъ болшия личная
 надежды на ближайшее царствование; смерть прин-
 ца заслѣдила его отглядѣть въ своей собственной
 судьбѣ и въ судьбѣ государева. Но герцогъ Орлеанскій
 любилъ и уважалъ его. Сень-Симонъ былъ призванъ
 въ советъ регенсера; онъ игралъ въ немъ значитель-
 ную роль только при зачине обнародованья, когда
 его личная неприязнь совпадала съ идеями или инфе-
 ресами правителсва, при зачине миссуровъ советъ,
 дажи и при низложении лезиумированья при-
 цевъ. Важнымъ эпизодомъ въ общественной жизни
 Сень-Симона было его посольство въ 1722, это была
 погезная миссия, создавшая въ зомѣ, чтобы испросить
 у испанскаго короля руку инфранца для Людовика XV.

После смерти регента Сень-Симонъ удалился отъ двора.

Сень-Симонъ былъ гесенъ и очень надобенъ, его надобность доходила до того, что онъ ежегодно при, возилъ несколько врендъ въ монастырь трапистовъ. Однако это было широкое и зернистое благочестіе: буди други другомъ Янсенистовъ, онъ не вернулся въ швъ сексу а, оставаясь вернымъ кароликотъ, не издалъ независимы къ профессантамъ и осуждалъ озлоблену Манзскаго Эдикта. Церковная распри, придирки и преследованія наводили на него ужасъ. Такое пониманіе религии создавало лучшую сторону его ума, какъ какъ, въ общемъ, это было посредствен, ксвй умъ, существенный и искаженный мелогмвиль и сраженныи самолюбіемъ. Орозъ не особенно родо, вышій величина былъ всецело поглощенъ мыслю о зольо, что онъ — герцогъ и перъ. Вся вселенная должи, на была въ его глазахъ подчиняюща великому гер, цоговъ и прровъ. Въ этово заключался основной прин, цитъ его политическыи идей, по которыи онъ при, близнался къ Френелону. Онъ ненавидилъ Людовика XIV и все. Это долгое царствованіе низкой Буржуазіи; онъ ненавидилъ Римскіи, Мазарини и Велльфор, цевъ абсолютной монархіи; онъ мечталъ о фреда, мизмъ; его идеалы восхождъ ко времени Филиппа

мемюары о герцогахъ, пэраяхъ, о дѣлѣ происхожденія
 и о дѣлѣ привилегій, великаго рода историческіе
 и политическіе мемюары. Многя подѣ руками около
 1730 года дневникъ Дансио, онъ пересматривалъ дѣла
 за дѣлѣ жизнь великаго короля и его двора; все
 его воспоминанія, его обиды и его ссоры, интриги
 поднимался при этомъ въ его души и воспламени,
 и его воображеніе, черезъ него и придворная ксервоентъ
 Дансио возмущилъ его, и онъ принялся дѣлать къ
 нему примѣчанія, замечъ подѣ каждаго событія
 и подѣ каждаго шепета, все это ссорой внезапна,
 нѣ, козрой дѣли вызваны въ немъ эти дѣла,
 ника. Написавши примѣчанія къ Дансио, онъ почув,
 сзубовалъ желанія продолжать начатую работу; у него
 явилась потребность созавать свои содрузья, мемю-
ары. Онъ воспользовался своими знакомствами, козрой
 началъ дѣлать еще съ восемнадцатию тысячу воз,
 раса, и, шведъ посподитно передѣ глазами дневника
 Дансио, служившій ему руководящей нитью для ро-
 нѣ хронологическіе указанія, написалъ свое
 обильное сочиненіе, обнимающее послѣдніе два
 царя царствованія Людовика XIV и еще больше;
 вообще, обнимающее промежутокъ времени съ 1694
 до 1726 г., со всевозможными оцѣнками о
 сущности большаго ракета годовъ этого царствованія и

1) Маркизь Дансио (1638—1720), фаворитъ Людовика XIV, губернаторъ
 пэра Тюрени, членъ Академіи и низкопоклонной придворной,
 сохранилъ въ своемъ мемюарѣ, малѣйшіе подробности о жизни
 короля, подыравъ его на высочайшій подвѣхъ.

и царствования Людовика XV.
относительно эпохи ренессанса. В первый раз книгу,
архив герцога Рень-Симона подвинул в свет в 1829 г.,
в неполном издании; новейшее издание издано в 1878 году,
содержит сорок томов.

Рень-Симон начал писать в 1740 г. Прием на
писания эрцгерцога-короля — вчерашнего каждого дня,
во образе дневника, — и дарь строгого наблюдений гер-
цога придадут эрцгерцогу высокое достоинство влечения о зрелище
как историческому, так и правописанием зрелищу. —
«Природа вложила в этого плохенького герцога, говорил
Лансон, удивительная архитектурная способность, раз-
вившаяся еще больше вельможие его вынужденного
безделья и его страстей, не находившим в вынужденно
пелода. Справивший в умозрительном отношении,
он владел презрительного впевазлужительности. Он все
создал из чернов, его вечно волновали страсти,
он вечно жила и выходил из себя. Но природа
создала его полюбивше; она надвинула его оузы
зрелище, подготавлившие все обидя охрания и все
дела, — и удивительного таланта, воззаноуявились
виденные когда-нибудь образы со всего яркогого первого
впевазлужения. Он не был писателем в идейном
смысле и мало заботился о том, что касалось
умозрительной области. Это не был философ или
моральщик; это был живописец. Он владел даром

психологической интуиции. Будучи проникновенные Ла-
брюйера и Лесажа и штыль даило съ шивыише мафери-
аломъ, поедомо находившимся въ двисенити и еше,
кинуто исчезавшимъ изъ вида, оное съ увареннозго
великаго мафери анализировалъ поедумки, разлагалъ
на составные элементъ губефта и схвазываетъ самаи
многочисленныя проявленія гдоль силъ, изъ козорныхъ скла-
дываеся моральная жизнь. Но въ немъ скадался также
современники Лабрюйера и Лесажа въ голь ожно-
менити, что оное раземазривалъ все видимое и осва-
емые признаки, какъ своего рода шифръ, въ козорномъ
скривался вичужреннйи человекю. ✕

Его маняры озлматозея изобиллемъ и разнообраз-
земъ силуззовъ, набросковъ, каррикатуры, порзрезовъ,
связавъ во всея роерь, и болемимъ карзити, въ козорныхъ
какъ-бы снова озмиваюзея передъ нами, во всей нль ре-
альности и осваемозеи, современники великаго
король, его придворные, его семейство и его собезвемная
личность. Двумя сзрозками Сень-Симонъ чиньезъ изо-
бразилъ намъ всего человека, въ его любимой позе,
со свойственнелмъ ему выраженнемъ физиономии; въ
другихъ позахъ оное раздираетъ его подробно, обшарива-
етъ его, выворачиваетъ наизнанку и не осваиваетъ въ
немъ ни одного земного, неразъдсметнаго пункта.
Оное оцигузавъ жизнь, з.е. залочавъ все происходившее